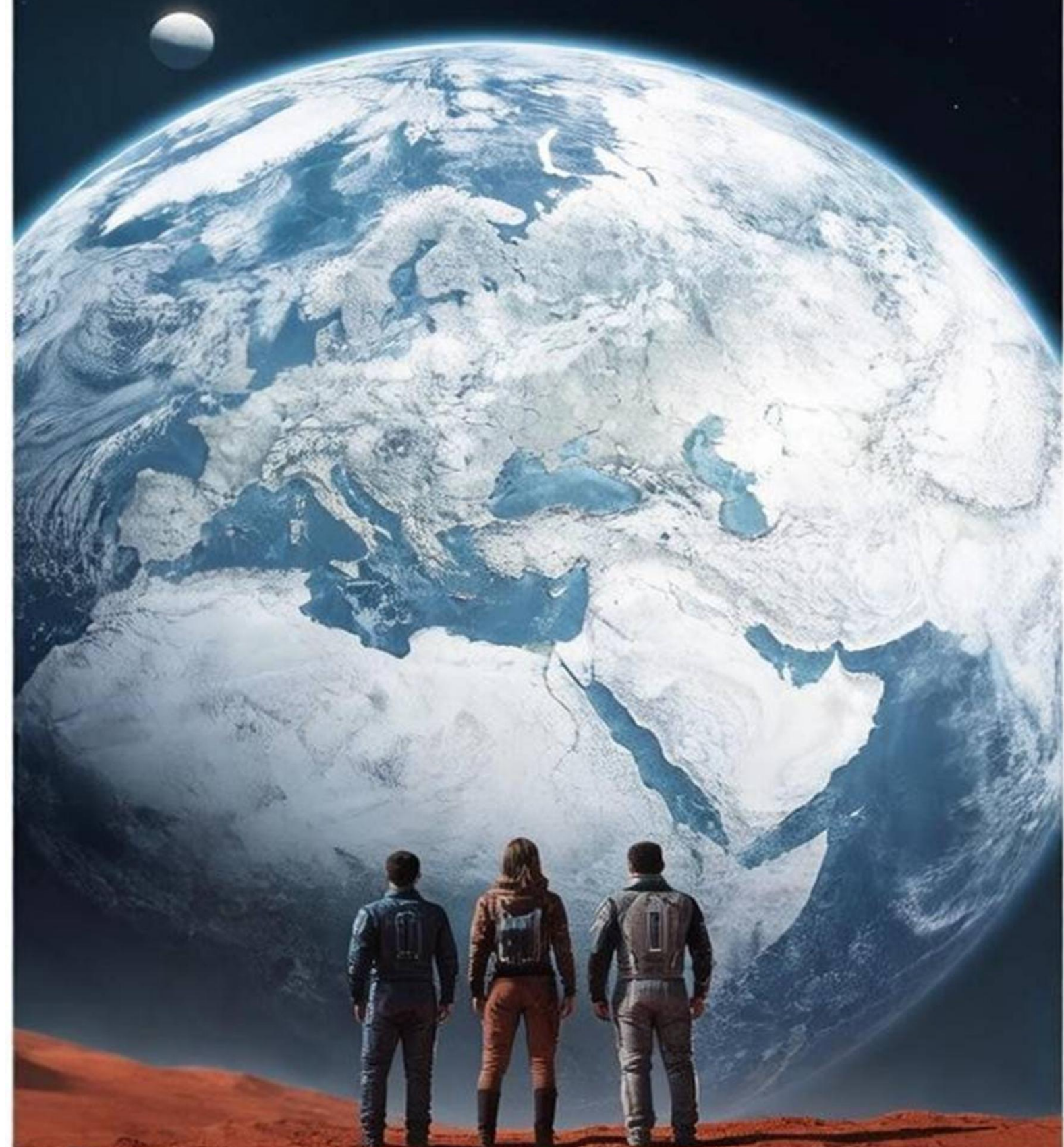

ЮРИЙ ШЕЛЯКИН

ВЕЛИКОЕ
ПОХОЛОДАНИЕ

Юрий Шелякин

Великое похолодание

«Автор»

2026

Шелякин Ю.

Великое похолодание / Ю. Шелякин — «Автор», 2026

Август 2039 года. Пятеро подростков из России, Ирака, США, Бразилии и ЮАР приехали в элитную школу Нанта — каждый с талантом к инженерии и упрямством вместо опыта. Через две недели небо над Европой потемнеет навсегда. Ядерная война запустит ядерную зиму: океаны схватит льдом, биосфера умрёт, девяносто пять процентов человечества не переживут первый год. Оставшимся предстоит пройти путь от подземелья Нанта до ледяных пустошей Сибири, от гибели танкера в замёрзшем море до первых кораблей, которые человечество построит заново — и дальше, к звёздам, где во льдах внешних планет пробуждается нечто, ждущее своего часа. История, в которой последнее слово реальнее первого. Повесть, которая не отпустит даже после того, как последняя глава будет прочитана. Книга предназначена для читателей старше 12 лет, включая подростковую и взрослую аудиторию.

© Шелякин Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Научно-фантастическая повесть	5
Пролог	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЯДЕРНАЯ ЗИМА	7
Глава 1. Пять билетов в один конец	7
Глава 2. Последний солнечный день	11
Глава 3. Зимний Нант	13
Глава 4. Полёт	25
Глава 5. Бомбей — Джакарта	29
Глава 6. Рассказ капитана	35
Глава 7. Сиднейский излучатель	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Юрий Шелякин

Великое похолодание

Научно-фантастическая повесть

Кольцово, 2026

Здесь всё названо верно, но случилось иначе: знакомые места живут по другим правилам, и время отсчитывает другую судьбу. Пусть карта остаётся прежней: её легенда теперь звучит по-новому. Не ищите в этих строках отражения реальности: все будущие совпадения — не более чем случайность.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга о цене, которую человечество может заплатить за свои ошибки. Начатая на стыке эпох с хроники катастрофы, она станет историей не героев, а тех, кто уцелел: пятерых подростков из разных стран, запертых в подвале чужого города, когда мир вокруг превратился в ад и лёд.

Перенося действие повести в реалии 21 века, я хотел показать: главная угроза будущего — не только ракеты, но и слепые алгоритмы боевых ИИ-систем, и наше собственное неумение договариваться. Девяносто пять процентов человечества не пережили первую зиму. А эти подростки выжили не потому, что были сильнее, а потому, что им повезло чуть больше, чем остальным, и эта случайность стала точкой отсчёта для новой истории.

В последней части фокус смещается: прежние герои уступают место своим детям. Перед новым поколением встаёт иная, ещё более пугающая дилемма: продолжать жить и удержать мир в Солнечной системе, где в ледяных недрах внешних планет пробуждается нечто, способное навсегда изменить судьбу цивилизации. Это уже не история про спасение Земли, это история о том, как удержать порядок там, где его никогда не было.

Пусть сюжет книги станет для современных подростков не просто приключением среди льдов и звёзд, а зеркалом, в котором отражается хрупкость нашего мира. Закрывая последнюю страницу, они ощутят не холод безжизненной планеты, а тепло ответственности за ту Землю, что у них есть. И откроется простая и тяжёлая истина: этот мир не достался им готовым. Его приходилось чинить каждый день, каждый час, каждый раз, когда что-то ломалось снова. В их силах сделать так, чтобы история со страниц книги не стала реальностью, а осталась столь же убедительной и честной, но всё-таки выдумкой.

Пролог

Ядерная зима пришла на Землю не сразу, но её поступь становилась смертоносной. Она пришла позже, когда смолк последний рокот взрывов и люди поняли, что отвечать уже некому. Огненный шквал глобальной атомной войны, начатой в 2039 году, оставил после себя лишь руины, однако настоящая катастрофа скрывалась в небесах. Миллиарды тонн пепла от пылающих мегаполисов и колоссальные массивы пыли, поднятые наземными ударами, плотной пеленой затянули стратосферу. Земля оказалась укутана в траурный саван, полностью спрятавший планету от солнечного тепла.

Климатический коллапс наступал стремительно. Поверхность планеты начинала выхолаживаться с пугающей скоростью: столбики термометров к 2042 году рухнули до минус сорока градусов Цельсия и продолжали падать. Ледники сковали океаны, а вечная тьма уничтожала остатки биосферы. Умирающий мир погружался в безмолвие.

Почему человечество допустило эту катастрофу? Ответ на этот вопрос лежал в плоскости слепой жестокости, амбиций и фатального доверия автономным боевым ИИ-системам тех, кто держал пальцы на пусковых кнопках. Но даже когда порох остыл и ракеты выпали из шахт, одна такая система ждала своего часа, и ей не нужны были ни пальцы, ни кнопки. У неё был протокол и время.

История начинается с подростков, оказавшихся в чужом городе, в чужой стране, с рюкзаками и общим, непоколебимым упрямством.

Судьба свела их вместе в западной части Франции, в городе Нанте, куда они успели добраться в начале августа 2039 года.

Этот путь нельзя рассказать кратко: на каждом шагу вершится история выживания, каждый миг становится воспоминанием о чьём-то последнем глотке, о руке, которую не успели удержать. Пропустишь одну остановку, и люди станут цифрами потерь. А они не были цифрами.

Великое похолодание вползло в города и долины, в каждую щель между камнями, и осталось там. Дороги исчезли за одну зиму. Газ лёг на дно рек и будет лежать там десятилетия. Это не фон. Это мир, в котором приходилось дышать. Поэтому дальше будет долго: перевалы, остановки, за которыми кто-то не поднялся, холод, от которого лопается кожа. Но это не о героизме. Это о том, как привычка ставить одну ногу впереди другой спасала тех, кто шёл рядом.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЯДЕРНАЯ ЗИМА

Глава 1. Пять билетов в один конец

Четырнадцатилетний Виктор Орлов сидел на подоконнике широкого окна и отрешённо смотрел на улицу. За стеклом, медленно кружась в ленивом танце, падал белый пушистый снег.

Он на секунду зажмурился, а когда открыл глаза, проснулся в своей кровати. Вместо снежных хлопьев в окно лился густой, тёплый солнечный свет. Воздух за стеклом дрожал от жары, а асфальт во дворе уже начинал парить, отдавая влагу вчерашнего дождя. Мальчик сел, не понимая, что его разбудило. Петербург летом не умолкает даже ночью: где-то гремят трамваи, кричат чайки, гудят вентиляционные короба. Сейчас улица за окном молчала. В этом молчании ощущалось что-то неправильное, чужое, словно сам воздух знал то, чего не знают люди.

В доме по-прежнему стояла тишина, но теперь она не казалась гнетущей, скорее уютной предвестницей утра, когда весь город ещё досматривает последние сны, а день только-только собирается начаться. Скука и одиночество, ещё минуту назад разъедавшие душу, растаяли под напором солнечного тепла. Виктор глубоко вдохнул: в воздухе пахло нагретой листвой, свежей выпечкой из соседней пекарни и чем-то бесконечно обычным, отчего на душе стало спокойно.

«И зачем я это взял...» — подумал он, глядя на папку на письменном столе. Отец оставил её позапрошлой ночью: серый канцелярский скоросшиватель с грифом, который Виктор не решился вскрыть до утра. Пальцы всё ещё помнили, как бумага шелестела под плотной обложкой. Холодок, пробежавший по спине, тут же растаял в июньской жаре. Ладонь провела по чистому подоконнику, будто стирая пыль, которой не было: ну и фантазия у него сегодня с утра. На столе лежал учебник французского. Виктор открыл его на закладке — старом, выцветшем билете метро — и попробовал читать. Слова не держались в голове. Он отложил книгу, не подозревая, что впереди месяцы ледяного кошмара, а ему суждено стать одним из свидетелей гибели человечества.

На часах было 5:45. Солнце уже поднялось над крышами, заливая город золотистым светом. В Петербурге в июне рассветает рано, и день торопился начаться, не давая никому шанса остаться в полутьме. Тени лежали короткие и плотные, а воздух уже хранил обещание зноя, который накроет город к полудню.

Петербург жил своей привычной жизнью, не ведая, что через несколько недель тревожные цифры из папки, забытой на столе, станут страшной реальностью.

Утро делало вид, что ничего не случилось и стало наполняться привычными звуками. Редкие прохожие выходили на улицы, водители первых маршруток щёлкали рычагами, прогревая моторы. Родители собирали детей в летний лагерь: пересчитывали полотенца, искали сандалии, спорили из-за лишней футболки. В этой рутине не было места снам.

Вечером того же дня город был по-летнему мягким и ленивым. Двор между домами жил своей привычной неторопливой жизнью: на скамейке у подъезда старушки разбирали пакеты с зеленью, дети гоняли мяч по высохшему газону, а из открытых окон первого этажа пахло жареной картошкой и свежим хлебом. Кто-то поливал клумбу, и вода растекалась тёмными пятнами по тёплому асфальту, поблёскивая в низком июньском солнце.

Виктор вышел во двор с пакетом мусора и задержался у подъезда, чтобы посмотреть, как соседский мальчишка лет пяти гоняет голубей. Над городом плыл обычный вечерний гул: трамваи на соседней улице, далёкая сирена, смех из-за забора, перебранка таксистов у ларька. Всё это было таким привычным, что не стоило ни воспоминаний, ни сожалений.

Тётя Лида, завидев его, окликнула: «Виктор, зайди вечером, пирог с вишней достану, пока не остыл». Он кивнул и почему-то подумал, что таких разговоров будет потом очень

много. Тысячи. Миллионы похожих вечеров. Он ещё не знал, что по-настоящему запомнит именно этот: запах вишнёвого пирога, тёплый асфальт и соседского мальчишку, который смеялся, запрокинув голову к небу.

Виктор помнил каждую цифру из той папки. Тридцать восемь процентов — такую вероятность климатического коллапса отец вывел в последнем отчёте. Однако усталость и привычка убеждали: это лишь прогноз из сотен похожих, игра ведомственных коэффициентов. Но каждый раз, когда он позволял себе так подумать, в груди становилось тесно, будто кто-то настойчиво повторял: «Помни. Это было не просто так».

Мальчик чувствовал себя бесконечно одиноким. Отец не появлялся третьи сутки. Виктор привык к его отлучкам: аналитик Центра информационной безопасности пропадал на закрытых объектах, когда мир начинал скрипеть по швам. Но в последние месяцы отлучки случались чаще, а лицо отца стало напряжённее. Иногда тот звонил поздно вечером, говорил коротко: «Виктор, я задержусь... то есть, если меня не будет... Ты справишься». Виктор помнил, как отец перед уходом долго стоял у ворот подъезда, тяжело задумавшись и глядя в пустоту.

Матери у Виктора не было: она умерла, когда ему едва исполнилось два года. Отец один тянул домашнее хозяйство, так и не сумев забыть свою единственную любовь, и с малых лет к ним заходила сердобольная соседка, тётя Лида, что приглядывала за мальчиком, пока отец пропадал на службе. Виктор из уважения терпел её заботу и не отказывался, хотя порой она была ему в тягость.

Виктор планировал к концу лета уехать во Францию: сначала в Париж на самолёте, а оттуда добраться до портового Нанта. Из-за этого он целыми днями заваливался учебниками и французскими книгами, пытаясь отвлечься от дурных мыслей. Календарь на стене был исчеркан крестиками, которые не ведали, что зачёркивают последние мирные дни. Их оставалось чуть больше двух месяцев. На календаре было 17 июня 2039 года.

Липовые аллеи Нанта дымились пылью, над Луарой стояло золотое марево, и даже камень старых набережных, казалось, дышал теплом. Ребята прибыли сюда за три недели до начала обучения, полные надежд и странного, скорее пугающего для их возраста упорства.

Виктор Орлов из Санкт-Петербурга с детства собирал электронику из хлама: старые платы, выброшенные роутеры, куски кабелей. Он не «чинил», он понимал, как ток «течёт» по дорожкам, а сигнал теряется в шуме, как система начинает «врать», если датчик чуть-чуть не совпадает с эталоном. В 12 лет он написал простую программу для симуляции работы турбин. Так он хотел посмотреть, меняется ли КПД при разных углах лопаток. К четырнадцати он уже разбирался в интерфейсах промышленных контроллеров и мог «поговорить» с любой машиной, если у неё был хоть какой-то порт. Когда в школу пришёл пригласительный лист международного конкурса, Виктор увидел в нём не награду, а билет прочь от дома, где ему стало слишком тесно.

Мухандис Джазари из Багдада был другим. Он не любил «железо» ради железа. Его интересовали системы: почему они держатся, как рассыпаются, когда один узел тянет за собой остальные. Ещё в школе он решал олимпиадные задачи по физике, где нужно было не просто посчитать, а увидеть, что модель не сходится с реальностью, и подкрутить её. Мальчик чувствовал нестабильность и умел её предсказывать. В школе его считали странным — слишком взрослым для своих лет, слишком спокойным. Он говорил на трёх языках, но молчал на всех одинаково.

Элизабет Мэйвил прилетела из Филадельфии с папкой распечатанных статей по аэродинамике и заметками на полях. Её отец преподавал в Пенсильванском университете, и она росла среди разговоров о потоках, турбулентности и том, что маленькая ошибка в расчётах

может стоять жизни. Её главной страстью была аэродинамика: она могла часами рассуждать, как меняется поток воздуха над крылом, понимала, как самолёт «чувствует» воздух, и могла перевести сухие цифры приборов в ощущение полёта.

Инез Мораес из Сан-Паулу росла в районе, где электричество то пропадало, то возвращалось рывками, а техника жила по своим правилам: холодильник гудел, как будто спорил с сетью, а роутер мигал, будто подавал сигналы бедствия. Она научилась не чинить, а договариваться с нестабильностью: ставить фильтры, собирать стабилизаторы из старых деталей, подбирать конденсаторы так, чтобы даже при скачках напряжения плата не сгорала. В тринадцать она собрала простую систему мониторинга напряжения и тока для дома — не ради проекта, а чтобы мама не боялась включать духовку. Инез чувствовала не столько схемы, сколько их уязвимости: где тонкий провод станет узким местом, где перегрев начнёт менять сопротивление, где система, выглядящая исправной, уже врёт датчиками. На конкурсе она представила не красивую сборку, а анализ отказов: как ломаются дешёвые контроллеры при перепадах и как это можно предсказывать по микроскачкам в сигнале. Её сила была не в идеальной точности, а в умении работать в условиях, когда идеальных условий нет.

Табо Нкоси из Йоханнесбурга не любил абстрактные формулы без веса: ему нужно было, чтобы уравнение имело опору в реальном мире. Он собирал простые измерительные стенды из подручного — датчики температуры из старых термостатов, акселерометры из разобранных телефонов, самодельные тензодатчики из фольги и клея. Его интересовали силы и их следы: как балка прогибается под нагрузкой, как вибрация ползёт по металлу, как трещина начинается с микросмещения, которое почти незаметно. В четырнадцать он построил стенд, который фиксировал прогиб деревянной балки под разными нагрузками и строил график зависимости деформации от веса — не по учебнику, а по реальным данным. Табо умел видеть расхождение между моделью и реальностью: если расчёт говорил одно, а балка вела себя иначе, он не исправлял балку, он исправлял модель. В школе его проекты часто выглядели кустарно, но в них всегда был один строгий элемент — сравнение «как должно быть» и «как есть на самом деле». На конкурс он прислал не чертежи, а отчёт с фотографиями, графиками и списком причин, по которым теория расходилась с практикой.

Пяти подросткам предстояло сжиться в чужом городе, и ни у одного из них родным не был общий язык: у Виктора русский, у Мухандиса арабский, у Элизабет английский, у Инез португальский, у Табо зулу. Сойтись им помогли два языка, знакомые каждому ещё со школы и с подготовительных программ: французский и английский. На них ребята и объяснялись в Нанте: сперва осторожно, подбирая слова, потом быстрее и свободнее. А Виктор, как единственный носитель русского, терпеливо учил Лизу, Мухандиса, Инез и Табо живой русской речи.

Ребята приехали в Центральную школу Нанта не как обычные абитуриенты, и уж точно не простыми студентами, прошедшими двухлетние подготовительные классы и выдержавшими жестокий конкурс «Сентраль Суплек». Им было всего по четырнадцать лет, и само их присутствие в стенах элитной школы нарушало привычный порядок вещей.

Их отобрали по результатам международного конкурса для одарённых школьников с физико-математическим уклоном и интересом к информатике: по одному представителю от макрорегиона, так что Россия, Азия, Африка, Северная и Южная Америка в итоге были представлены одним человеком каждая. Это был редкий случай, когда строгая система сделала исключение ради потенциала. Для руководства школы это был эксперимент: дать юным умам доступ к лабораториям, ресурсам и наставникам, чтобы посмотреть, на что способна чистая интуиция в сочетании с фундаментальными знаниями.

Предполагалось, что они будут учиться не по стандартной программе, а по индивидуальному треку: углублённые модули по дискретной математике, основам моделирования и вычислительной физике, специально адаптированные под их уровень. Им предстояло участвовать в

проектах, где роль была не декоративной, а настоящей: не «помогать старшим», а предлагать собственные подходы, спорить с инженерами и видеть превращение идеи в схему, а дальше в прототип. Возможно, они разработают первые рабочие образцы в рамках междисциплинарной инициативы, той самой, что должна была стать мостом между теорией и индустрией.

В коридорах учебного заведения, где обычно шагали двадцатилетние выпускники подготовительных классов, теперь звучали голоса подростков, не по годам серьёзные, но с той особой энергией, которая бывает только у тех, кто ещё не привык к слову «невозможно». Преподаватели поглядывали на них с осторожным интересом: в этих детях чувствовалась и одарённость, и готовность ломать шаблоны, а это порой и нужно, чтобы сдвинуть науку с мёртвой точки.

Глава 2. Последний солнечный день

В то утро в школе было тихо, и в этой тишине не было ничего хорошего. Преподаватели собирались в коридорах и говорили вполголоса; из радиорубки доносился щелчок переключаемых волн. Радио сначала врало — обещало, что «ситуация под контролем», — потом начало запинаться, а к полудню умолкло совсем. Элизабет поймала обрывок передачи на английском: кто-то повторял номер частоты и просил «подтвердить готовность». Через час то же самое зазвучало на русском и на китайском.

Виктор сидел в пустом классе и смотрел на карту мира, которую никто не снял со стены. Три державы сходились в клинче. И не на бумаге, а в прямом эфире, который ещё шёл ночью, а теперь и он оборвался. Учитель истории, старый и седой, вошёл, увидел Виктора, помолчал и сказал только: «Закрой окно». Никто не спрашивал, что происходит. Спросить было нечего.

Странно, но все вдруг начали говорить про бытовое: кто заберёт кого из аэропорта, где купить масло, у кого осталась зарядка для телефона. Говорили громко, перебивая друг друга, будто словами можно было заглушить то, что уже началось. А потом за окном вспыхнул свет. Он наступал с востока, ровный, как будто занимался рассвет. И звонко лопнули стёкла.

Пятеро подростков остались в чужом городе, в чужой стране, с пятью рюкзаками, чужими документами и общим непоколебимым упрямством. Ядерные удары по соседним регионам потрясли Нант не столько взрывами, сколько паникой: связь рушилась, транспорт вставал, электричество мигало и пропадало. Школа быстро опустела: преподаватели, студенты, сотрудники уезжали кто куда мог.

Виктор не пытался вернуться домой: Россия оказалась одной из сторон удара, и воздушное пространство над ней закрылось в первые же часы. Рейсы отменили все — не только в Москву или Петербург, но и в любую точку, которая лежала на маршруте через российскую территорию. Аэропорты Франции, ещё не разрушенные, ещё работавшие, перестали принимать рейсы из стран-участниц и в их сторону. Виктор позвонил домой — номер не отвечал. Потом связь пропала совсем. У него не осталось ничего, кроме рюкзака, ноутбука и школьного пропуска, который ещё вчера казался ему билетом в новую жизнь, а теперь превратился в единственное доказательство того, что он существует.

Поэтому, когда началась эвакуация, он первым понял, как перезапустить резервные насосы в подвале колледжа и заставить старый генератор работать на топливе, которое никто уже не считал пригодным.

Мухандис не мог вернуться в Ирак. Ближний Восток, и без того беспокойный, превратился в зону, через которую не проходил ни один транспортный коридор. Аэропорты закрывались один за другим, гражданские рейсы снимались с расписания, а те, что ещё числились в системе, были фикцией — их никто не обслуживал. Мухандис знал, что его семья в Багдаде, но не знал, жива ли она, и не мог это узнать. Он не паниковал. Он молчал, как молчал всегда, только теперь это молчание было другим — тяжёлым, словно он нёс в нём вес, который не мог ни положить, ни разделить.

США были второй стороной удара, и Атлантика, ещё вчера обычная транспортная артерия, стала зоной, над которой не летал никто. Трансатлантические рейсы отменили в течение часа после первых сообщений. Элизабет дозвонилась до отца один раз — он сказал, что они в университете, что пробуют уехать на восток, и связь оборвалась. Больше она не звонила. Не потому, что не хотела, — потому что номер перестал отвечать, а потом сеть перестала существовать. У неё оставалась абсолютная уверенность, что отец сделал всё, что мог.

Южная Америка не была мишенью — по крайней мере не первой волной, — но это не значило, что туда можно было улететь. Авиасообщение между Европой и Южной Америкой зависело от хабов, а хабы — от аэропортов, которые работали от Лиссабона до Касабланки, а эти аэропорты либо закрывались, либо превращались в воронки от взрывов. Инез попыталась найти рейс — не в Сан-Паулу, хоть куда-нибудь, хоть до Лиссабона, — но система выдавала ошибку, а потом перестала выдавать что-либо. Она написала маме — сообщение ушло, ответ не пришёл. У неё был рюкзак, стабилизатор, собранный ею же из старых деталей, и привычка не паниковать, когда напряжение скачет.

Табо попытался вернуться в Йоханнесбург. Африка не получила прямого удара, но маршруты в южном направлении рассыпались: стыковочные узлы в Каире и Найроби закрылись, а рейсы, которые не зависели от них, были слишком редкими и слишком желанными — места на них раздали в первые часы, и не школьникам. Табо не мог дозвониться домой — связь с ЮАР оборвалась, как только вышли из строя спутниковые узлы. У него осталась только привычка сверять модель с реальностью, даже когда реальность не оставляет шанса на поправку.

Война накрыла Нант не взрывом. От Парижа, лежавшего в трёхстах километрах, на город докатилась волна: обрывки передач, беженцы, а потом радиостанции одна за другой замолчали. Нант уцелел — почти.

Глава 3. Зимний Нант

Городу повезло чуть больше остальных. Нант пострадал меньше, чем территории в радиусе пятисот километров, превращённые в радиоактивное кладбище: там, где земля стала чёрной коркой, а воздух наполнился ядом. В городе ещё держались стены, ещё можно было дышать, пусть и пылью, смешанной с гарью. То, что городские постройки остались стоять, теперь не имело никакого значения. Привычный мир надземных домов перестал существовать: он стал непригоден для жизни. Наземный Нант превратился в ледяной склеп. Небо над Францией заволокло непроницаемым дымчатым смогом, сквозь который годами не пробивался ни один солнечный луч. Температура на поверхности стремительно падала, превращая некогда цветущие бульвары в царство вечной мерзлоты.

Люди были вынуждены адаптироваться, превратившись в подобие кротов. Жизнь полностью ушла под землю: в туннели метро, подвалы, старые канализационные коллекторы и наспех вырытые катакомбы. Над ними лежал вымерший город, медленно замерзающий под пеленой ядерной зимы. Драгоценное тепло, которое человечество беспечно тратило в былые сытые годы, теперь стало главным ресурсом, валютой и символом выживания. Его хранили судорожно, укутывая трубы и деля каждый кубический метр прогретого воздуха на десятки семей.

Подземный Нант не был единым целым. Он состоял из узлов, карманов, тупиков и коридоров, каждый из которых жил своей жизнью. Метро, наскоро перекрытое бетонными плитами и мешками с песком на всех люках, стало главным стволom: по нему люди перемещались между районами, там же шёл слабый воздухообмен, потому что вентиляционные шахты, хоть и забитые пеплом, всё ещё тянули воздух сверху. Станции превратились в посёлки: на платформах стояли палатки из одеял и строительной плёнки, стены были оклеены объявлениями — пропавшие, нашедшиеся, обменные, похоронные. В туннелях между станциями селились те, кто не нашёл места на платформах: они рыли ниши в стенах, завешивали входы картоном и жили в полумраке, слушая, как по рельсам стучат чужие шаги.

Некоторые держались поодиночке. Такие обычно не выживали долго: холод и голод убивают одиночку быстрее, чем болезнь. Но были и те, кто принципиально ни к кому не примыкал, — из страха, из недоверия, из привычки считать каждого встречного угрозой. Они спали в вентиляционных шахтах, в кабельных каналах, в заброшенных служебных помещениях, и их находили потом — замёрзших, сжавшихся в комок, с пустым рюкзаком и фотографиями тех, кто, может быть, тоже уже был мёртв.

Другие объединялись. Группы формировались по-разному: по языку, по району, по навыку, по родству, а иногда просто потому, что в один день оказались на одной платформе и поняли, что вместе теплее. Внутри групп были свои правила: одни делили всё поровну и держались за счёт дисциплины, другие жили по принципу «кто принёс, тот и ест», третьи собирались вокруг сильного и держались на страхе. Самые крепкие группы занимали лучшие места — пересадочные узлы, где сходились несколько линий метро, или подвалы зданий с исправной вентиляцией. Самые слабые ютились на окраинах подземной сети, в тупиках и тёмных отрезках туннелей, куда не доходил даже слабый сквозняк.

Барахолка возникла сама собой, без чьего-то решения. Она разместилась в широкой развязке между двумя станциями, где туннель расширился в подобие зала. Туда приносили всё: консервы, батарейки, одежду, инструменты, медикаменты, документы умерших, чужие фотографии, которые зачем-то покупали, чтобы повесить в нишах вместо своих потерянных. Меняли без денег — деньги умерли вместе с банками. Товар оценивали на глаз: банка тушёнки стоила двух пар тёплых носков, рабочий фонарь — пяти банок, а коробка спичек могла стать

поводом для драки. На барахолке говорили на десятке языков, и никто не стеснялся: если тебя понимали, ты торговался, если не понимали — показывал на пальцах.

Голод пришёл не сразу, но когда пришёл — остался. Сначала ели запасы, потом они иссякли, и начали есть то, что находили: просроченные консервы из заброшенных складов, крупу, которую мыши не добрали, кошек и собак, потом — то, о чём не говорили вслух. В первые недели кто-то ещё ждал помощи, но помощь не пришла. Некому было помогать.

В первые месяцы подростки выживали тем, что умели. Табо и Инез латали системы жизнеобеспечения: чинили вентиляцию. Виктор перенастраивал насосы, заставлял светить аварийные лампы. Мухандис следил за тем, чтобы эти заплатки не обрушили всё остальное: он строил модели нагрузки, предсказывал, где система даст трещину, и заранее готовил обходные пути. Элизабет, привыкшая к точным расчётам, стала тем, кто сводил их усилия в единую картину: она составляла графики дежурств, распределяла ресурсы, переводила интуицию ребят в понятные шаги.

Инез нашла среди уцелевшего хлама плату коротковолнового приёмника, отмыла её от сажи и собрала из подручных деталей антенну, которая хоть как-то держала сигнал. Связь наладилась не сразу: эфир месяцами молчал, потом откликнулся обрывками чужих передач. Из радиопередач, пойманных в те дни, ребята узнали: в Петербурге не осталось выживших из Центра информационной безопасности ФСБ, того самого управления, в котором работал отец Виктора. Передача захлебнулась в помехах, но сказанного хватило. Виктор резко постучал по приёмнику и больше об отце не упоминал.

В тот вечер, когда Табо принёс компас и приёмник, они долго спорили при свете аварийной лампы. Инез вертела прибор в руках, проверяя, где корпус треснул, а где пайка держит, и наконец сказала: «Компас — это хорошо. Компас не знает, что у тебя кончилась еда». Табо усмехнулся: «Зато компас знает, где юг. А я знаю, где юг с едой». Инез хмыкнула и принялась разбирать приёмник, бормоча что-то про уязвимость антенн, а Табо разложил на полу самодельную карту, исчерканную стрелками. Виктор смотрел на них и впервые за долгие месяцы поймал себя на том, что улыбается: эти двое спорили так, будто у них впереди целая жизнь, а не пятьсот километров мёртвой земли.

— Если мы не вернёмся через две недели, — сказал Табо, не поднимая глаз от карты, — не ищите нас. Идите за нами, но не ищите. Инез добавила тише: «Мы вернёмся. У меня тут недопайка». И постучала пальцем по приёмнику, который только что собрала.

За месяцы подземного Нанта они привыкли решать быстро: если появлялся план, который мог стоить им жизни, его не обсуждали дважды, его проверяли и принимали. Уже на следующий день решение о маршруте было принято окончательно.

Пятеро подростков сумели занять небольшое обособленное помещение в техническом подвале одного из центральных корпусов школы, тесное, сырое, пропахшее машинным маслом и ржавчиной, но, главное, целое. Спрятанное глубоко под землёй, оно само решило их сберечь. Там, среди гудящих труб и мерцающих аварийных ламп, они держались вместе. В каждом рюкзаке теперь лежал аварийный фильтр и запас таблеток йода. Все двери в убежище открывались наружу — правило, которое они вбили себе в голову в первые же недели: при завале нужно выйти, а не вжаться глубже.

В обсуждении маршрута Инез слушала молча, потом сказала:

— Он прав. Город задыхается. Вентиляция держится на честном слове.

Мухандис молчал и смотрел на Виктора.

Виктор сомневался. Маршрут на компасе — это не маршрут, это направление. Между Нантом и «тёплым югом» — сотни километров мёртвой земли, без еды, без укрытий, без связи. Но и оставаться означало медленно замерзать.

Решили: Табо и Инез уходят первыми. Табо знал, как прокладывать маршрут по компасу и что делать, если датчики покажут радиационный фон. Инез умела работать с нестабильными системами: если найдут брошенную электростанцию или подстанцию, она запустит; если найдут транспорт с исправной электрикой — починит. Виктор, Мухандис и Элизабет оставались: кто-то должен был удержать убежище и связь, и кто-то должен был встретить их, если они вернутся.

Они ушли утром. Табо нёс рюкзак с инструментами и компасом. Инез несла стабилизатор собственной сборки и маленький приёмник, настроенный на частоту Мухандиса. На прощание Табо сказал:

— Если через две недели не будет сигнала — не ждите. Идите за нами.

Сигнала не было. Через две недели — не было. Через три — тоже. Через месяц Мухандис поймал обрывок передачи с юга: кто-то на французском, с акцентом, говорил о группе замёрзших людей, найденных на трассе до Бордо. Двое молодых. Один — с компасом в руке.

Мухандис выключил приёмник и посмотрел на Виктора. Виктор кивнул, не сказав ни слова. Элизабет отвернулась к стене и тихо, без слёз, потому что слёзы были роскошью, прижала лоб к холодному бетону.

Общая трагедия, потеря близких и наплыв беженцев и мародёров в разрушенной стране сплотили оставшихся сильнее, чем любые кровные узы. К пятнадцати годам они уже принимали решения, которые ломали взрослых: кому идти за водой мимо остовов сгоревших машин, кто останется дежурить у единственной работающей рации, на что обменять последние таблетки йода и стоит ли вообще доверять голосу из динамика, который то шептал, то срывался в треск помех. Они учились быть взрослыми не по книгам, а по тому, как дрожат руки, когда приходится говорить «нет» и «я пойду», даже если внутри всё сжимается от страха.

В коридорах учебного заведения, где когда-то звучали голоса подростков, не по годам серьёзных, теперь гудели трубы и хрипела вентиляция. Преподаватели давно ушли — кто умер, кто исчез в хаосе первых дней. Стены школы, ещё недавно казавшиеся символом знаний и будущего, стали перегородками между холодными коридорами, где люди спали, ели и умирали, стараясь не думать о том, что за окнами, если бы кто-нибудь рискнул открыть ставни, не осталось ничего, кроме тьмы.

Виктор стискивал зубы, стараясь не выдать, как сильно ему хочется закрыть глаза и проснуться в другом настоящем — в том, где ещё не пахло дымом, а на кухонном столе стояла чашка с горячим чаем. Мухандис делал вид, что занят: проверял замки, пересчитывал припасы, чертил на стене схемы запасных выходов. Если линий будет достаточно, они смогут удержать реальность от распада. А Элизабет сидела, прижав колени к груди, и смотрела на слабый свет лампы, пытаясь запомнить каждую искру, на случай если завтра свет погаснет навсегда.

Вентиляция гудела как всегда, но в паузах между гудками людям казалось, что между ними кто-то дышит. Иногда по ночам, когда вентиляция затихала и подвал становился глухой коробкой, они прижимались друг к другу не ради тепла, а ради звука — ради того, чтобы слышать биение чужого сердца и понимать: ты не один. И в этом была их главная правда: они выживали не потому, что были сильнее, а потому, что не позволяли друг другу сломаться.

Мир за пределами их убежища стремительно деградировал. Бывшая сверхдержава Америка утопала в хаосе, голодных бунтах и гражданской резне. Из девяти миллиардов населения Земли ядерный апокалипсис и последовавший за ним год голода пережили, по приблизитель-

ным подсчётам уцелевших узлов связи, всего около 450 миллионов человек, примерно один из двадцати. В самом Нанте под землёй ютилось около 40 тысяч человек. Ресурсы таяли.

Но где-то в глубине подземелий уже зрела новая, пока ещё невидимая опасность. Она не кричала, не выла сиренами и не сверкала вспышками: она пряталась в беспросветности. В тех паузах между гудками вентиляции, когда казалось, что мир наконец выдохнул и затих. В странном запахе, который не был запахом гари, а был чем-то другим: холодным, металлическим, как сама сталь, начинающая гнить изнутри. В редких шагах по дальним коридорам, которые никто из ребят не решался назвать вслух.

К началу второго года подземного Нанта стало ясно, что выживание держится не на мужестве, а на организации. Мужества хватало, чтобы не сдаться, но не хватало, чтобы согреть сорок тысяч человек.

Главным бункером стал пересадочный узел «Коммерс — Граслен», соединяющий три станции метро широкими переходами в единый подземный комплекс, недостроенный в 2039 году. Там, в бывших служебных помещениях и кабельных туннелях, разместилось то, что осталось от городской власти: несколько инженеров, пара бывших пожарных, один врач и трое сотрудников национальной жандармерии, которые почему-то не сняли форму. Они объявили узел анклавом выживания и распространили на него одно простое правило: чтобы находиться внутри, нужно работать.

Работа была разной. Таскать плиты для укрепления стен. Чинить насосы. Расчищать обрушенные туннели. Носить воду от единственного рабочего колодца, до которого было двадцать минут хода по тёмному коридору. Дежурить на входах, проверяя тех, кто приходит: не заражен, не вооружён, не безумен. За работу платили суточными пайками: маленькими, скудными, но настоящими — консервированная фасоль, сухари, иногда крекер со вкусовыми добавками, иногда — мутный суп из одного пакетика на троих. Размер пайка зависел от задачи: четыре часа на разгрузке — один паёк, восемь часов в туннеле — два, ночной караул на периметре — полтора и обещание тёплого угла на ночь.

Система работала. Она была несправедлива, скупа и безжалостна, но она работала: люди получали еду, бункер получал рабочие руки, стены укреплялись, вентиляция не падала. Так продержались первую зиму.

Но к концу второго года правило изменилось. Находиться внутри анклава стало стоить пайков. Один суточный паёк в неделю давал право на место в общем зале, два — на угол в боковом коридоре, три — на нишу с дверью, пусть и фанерной. Тех, кто не мог заплатить, не выгоняли на поверхность — это было бы убийством, и все это понимали. Их отправляли в «холодную зону», дальние туннели, где температура падала почти до уличной, где не было ламп и где никто не проверял, вернулся ты с дежурства или нет.

Получалось так: ты работал весь день, чтобы заработать два пайка. Один съедал. Второй отдавал за место, где можно лечь. На еду впрок, на обмен, на одежду — не оставалось ничего. Ты работал завтра, чтобы заработать снова. И послезавтра. И каждый день, пока хватало сил. А когда силы кончались, тебя ждала холодная зона.

Были и другие способы платить. Иногда — информацией: где осталось неисследованное складское помещение, где работает розетка, куда ушла последняя группа мародёров. Иногда — вещами: исправный фонарь, рулон изолянта, пара рабочих аккумуляторов. Чаще платили тем, о чём не говорили вслух, но что все знали: кто-то убирал за другими, кто-то стирал, кто-то делал то, от чего хотелось отвести глаза, но что давало лишний паёк и ещё одну ночь в тёплом углу.

Виктор, Мухандис и Элизабет держались в стороне от анклава почти полгода. Их собственное убежище в подвале школы было тесным и сырым, но своим: за нахождение в нём не нужно было платить, а работу, которую давал Мухандис — ремонт систем, проверка нагрузок, настройка вентиляции, — они могли обменивать на барахолке на еду и расходники. Это был хрупкий баланс, и все трое понимали, что он долго не продержится.

К началу 2042 года вентиляция в подвале начала сдавать. Инез и Табо больше не было рядом, чтобы починить её, и Виктор делал что мог, но чувствовал: система дышит на ладан. Мухандис подтвердил, что через два-три месяца подвал станет непригодным. Не сразу, не катастрофически, но неумолимо: влажность поднимется, температура упадёт, а потом начнёт копиться углекислый газ, и однажды утром один из них просто не проснётся.

Виктор переговорил с жандармом на барахолке, который сказал, что в анклав нужен инженер, способный починить водяные насосы. Не разовый ремонт, а постоянная работа. За неё давали три пайка в день и место в техническом коридоре, рядом с насосной станцией. Не общий зал, не холодная зона — коридор, где гудели трубы и было почти тепло.

Виктор согласился. Мухандис пошёл следом: его навыки моделирования нашли применение в расчёте нагрузок на несущие стены, и за это давали два пайка и место рядом с Виктором. Элизабет осталась последней: у неё не было ни инженерных навыков, ни физической выносливости, но она умела считать, планировать и сводить данные. В бункере таких людей называли «координаторами» и платили им полтора пайка — меньше, чем инженерам, но больше, чем чернорабочим. Этого хватало на место в общем зале и половину пайка еды.

За право лежать в тепле платили теплом: смена у аварийного генератора, расчистка завалов, дежурство у водозабора. Люди меняли еду на работу, работу на место, место на уголь для самодельной горелки. В конце дня каждый мог пересчитать, сколько шагов, часов и калорий заработал на то, чтобы встретить утро того же самого дня.

Повод подняться на поверхность нашёлся случайно. Мухандис, который к тому моменту составлял карты подземного Нанта на основе обрывков старых планов и собственных замеров, заметил, что один из заброшенных туннелей тянется почти до южной окраины города. Туннель был частично завален, но проходим, если не бояться грязи и темноты. На поверхности, по расчётам, должен был находиться аэродром — то ли военный, то ли гражданский, Мухандис не помнил: карты довоенной печати не уточняли.

Виктор предложил выбраться наверх. Ради любых запасов, которые могли остаться в окрестностях: топливо, инструменты, медикаменты, одежда. Аэродромы строят на отшибе, и удар, если он пришёлся по центру города, мог их миновать. Это была слабая надежда, но за полтора года под землёй они научились хвататься за слабые надежды, потому что сильных больше не осталось.

Элизабет осталась в бункере: подниматься на поверхность ей было незачем, а дежурство у рации не терпело пустого места. Виктор и Мухандис вышли ночью — если в условиях вечного смога слово «ночь» ещё имело смысл, — в старых куртках, поверх которых намотали строительную плёнку, и с фильтрами, сделанными из слоёв марли и угольной крошки. На поверхности было минус двадцать три. Ветер дул без порывов. Город стоял чёрный, молчаливый, без единого огня. Снег лежал серый, вперемешку с пеплом, и скрипел под ногами не как снег, а как песок.

Аэродром нашли через два часа. Он лежал за пустырьём, за ржавым забором из сетки, который Мухандис перерезал кусачками, найденными в техническом коридоре. Взлётная полоса была целёхонька — длинная, прямая, занесённая снегом, но без воронок. Здания технической службы обгорели, но стояли. Ангары — два из трёх — были целы.

В первом ангаре ничего не нашлось, кроме ржавых тележек и ящиков с пустой тарой. Второй был закрыт на замок, который Виктор сбил камнем — не изящно, но действенно. Дверь со скрипом отъехала в сторону, и в полосе света от фонаря Мухандис увидел то, чего никто из них не ожидал увидеть.

Самолёт. Маленький, двухмоторный, транспортный «Бриттен-Норман-2 Айлендер»: высокое крыло, двигатели на пилонах, короткий фюзеляж с грузовой дверью сбоку. Самолёт стоял на колёсах, крылья были целы, винты на месте. На нём лежал слой пыли в два пальца толщиной, но под пылью он не казался мёртвым — он казался спящим.

Виктор подошёл, провёл рукой по обшивке и почувствовал, как под ладонью холодный металл отзывается — не теплом, конечно, но чем-то, что он умел читать: шероховатость покрытия, плотность заклёпок, посадка панелей. Машина стояла здесь не один год, но стояла правильно: на ровной площадке, с подставками под колёса, с зафиксированными рулями высоты. Кто-то подготовил её к хранению, а потом не вернулся.

— Он может летать? — спросил Мухандис.

— Не знаю, — сказал Виктор. — Но я хочу посмотреть, что у него внутри.

Кабина была тесная, как их подвал, и пахла старым пластиком. Виктор сел в левое кресло и положил руки на штурвал. Приборная доска была простой: аналоговые индикаторы, несколько тумблеров, два комплекта указателей скорости и высоты, радиостанция, навигационный приёмник. Ни одного экрана — только стрелки, циферблаты и лампы. Виктор не знал половины обозначений, но знал другое: как ток течёт по проводам, как контакт замыкается, как сигнал проходит от датчика к стрелке. Ему не нужно было читать инструкцию, чтобы понять, что масло в баках, скорее всего, загустело, аккумуляторы разрядились, а топливо, если оно есть, могло расслоиться от долгого стояния. Но сама система — провода, тумблеры, реле — была целёхонька.

— Нужно топливо и электричество, — сказал Виктор. — Если найдём и то и другое, я попробую его запустить.

Мухандис, который никогда в жизни не сидел в самолёте и не думал, что ему это когда-нибудь понадобится, посмотрел на Виктора и сказал:

— Ты собираешься на нём летать.

Это не было вопросом.

— Я собираюсь понять, могу ли я на нём летать, — ответил Виктор.

В следующие две недели они готовились. Топливо нашлось в подземных резервуарах аэродрома, до которых удалось добраться, сняв люк и спустившись по ржавой лестнице. Авиационное топливо, керосин, было густое, как сироп, но не замёрзшее, потому что под землёй температура держалась около нуля. Виктор отфильтровал его через ткань и уголь, перелил в канистры и натаскал в ангар. Электричество дал аккумулятор, который Инез когда-то научила его заряжать от любого источника: он нашёл в техническом здании ветровой генератор аварийного питания — маленький, с лопастями размером с ладонь, — и тот, к его удивлению, крутился, потому что на поверхности ветер не затихал никогда.

Мухандис тем временем считал. Он не знал аэродинамики, но знал системы: где нагрузка, где слабое звено, где одна деталь тянет за собой остальные. Он проверил топливную систему на протечки, осмотрел тросы управления рулями, пощупал шарниры на крыльях. Всё было покрыто ржавчиной, но рабочей ржавчиной — поверхностной, не сквозной. Мухандис составил список: что нужно смазать, что заменить, что просто потерпит. Виктор работал по списку, а Элизабет, которой они рассказали о находке по возвращении в бункер, попросила принести ей всё, что можно прочитать — любые документы, инструкции, таблички с приборов. Она не могла подняться на поверхность, но могла перевести цифры и схемы в понимание.

Первый полёт состоялся через шестнадцать дней после находки.

Виктор запускал двигатели, и они не запустились с первого раза. Со второго — тоже. С третьего правый кашлянул, чихнул чёрным дымом и взревел так, что ангары задрожали. Левый завёлся легче — или Виктор уже понял, как с ним говорить. Два мотора гудели неровно, с перебоями, но гудели, и Виктор чувствовал в этом гуде не музыку, а знакомый разговор: кто-то из цилиндров работал чище, кто-то хромал, но система держалась.

Мухандис сидел в правом кресле и следил за приборами — не потому, что понимал их, а потому, что умел замечать, когда система начинает отклоняться от нормы. Лизы с ними не было: она осталась на связи, и это было правильно — кто-то должен был знать, если они не вернутся.

Виктор вырулил на полосу. Он не знал, как это делается правильно, но знал, как машина реагирует: газ — тяга, тормоз — сопротивление, руль — направление. Колёса скрипели по снегу и утрамбованному пеплу. Полоса была длинная, и он благодарил того незнакомого инженера, который когда-то выбрал место для аэродрома.

Газ. Двигатели взвыли. Самолёт дёрнулся, побежал, заскользил по полосе, набирая скорость. Виктор держал штурвал и смотрел на указатель скорости — стрелка ползла вправо медленно, слишком медленно, и он подумал, что не поднимется, что не хватит тяги, что старые двигатели не вытянут старую машину, — и в этот момент самолёт оторвался от земли.

Это было не похоже на то, что он ожидал. Не восторг, не страх, не свобода. Ощущение было простым и физическим: земля ушла вниз, а воздух принял. Машина стала частью потока, и Виктор почувствовал это — не глазами, не приборами, а тем же чувством, с которым когда-то разбирал платы: система работает, сигнал проходит, ток течёт.

Он набрал триста метров, развернулся над аэродромом и пролетел по кругу — пять минут, может, семь. Под ним лежал мёртвый город, серый, без единого огня, накрытый дымкой, из которой не пробивалось ни солнца, ни звёзд. Он видел это и ничего не чувствовал, кроме работы рук на штурвале и гула двигателей, которые держались, держались, держались.

Сел он плохо. Самолёт ударился о полосу, подскочил, снова ударился — Мухандис вцепился в кресло, — и выкатился на утрамбованный снег за краем полосы, где остановился, уткнувшись носом в сугроб. Виктор сидел, не отпуская штурвал, и слушал, как двигатели чихают и замолкают.

— Ну, — сказал Мухандис.

— Ага, — сказал Виктор.

Они выбрались, осмотрели машину. Шасси выдержало, хотя одна стойка была погнута. Винты целы. Фюзеляж — без трещин. Виктор понял: он сел не потому, что умел, а потому, что машина была маленькая, лёгкая и прощала ошибки. В следующий раз нужно будет сесть лучше.

Второй полёт состоялся через три дня. На этот раз Виктор взял Элизабет — Мухандис настоял, потому что она, пока парни были наверху, изучила всё, что удалось найти в техническом здании аэродрома: обрывки руководства по эксплуатации, таблицы приборных скоростей, схему подхода к полосе. Она не понимала половины терминов, но понимала цифры: на какой скорости отрыв, на какой — посадка, какой угол глиссады, какая вертикальная скорость.

— Тебе не нужно чувствовать небо, — сказала она Виктору перед вылетом, — тебе нужно знать, где ты находишься относительно полосы. Я буду считать.

Мухандис остался на земле, рядом с радиостанцией, на которую они настроили самолётный передатчик: единственный канал, единственная частота, единственный голос, который мог сказать «выше», «ниже», «правее».

Второй полёт был длиннее — двадцать минут. Виктор набрал высоту, пролетел над городом, над устьем Луары, над мёртвой загородной полосой, уходящей на юг. Элизабет сидела в правом кресле и называла цифры: скорость, высота, курс. Виктор слушал и понимал, что она делает то же, что он делал с машинами: переводит сухие данные в живое ощущение.

Потом он развернулся и пошёл на посадку.

Элизабет смотрела на приборы и говорила уверенно:

— Скорость сто десять. Высота сто. Курс два-семь-ноль. Угол — круче, Виктор, круче.

Они учились чувствовать небо, и это не было чудом. Это было продолжением той же логики выживания: Виктор «разговаривал» с приборами, Элизабет держала курс.

Виктор вёл машину вниз и в этот раз чувствовал её лучше: как воздух давит на крыло, как рули высоты отзываются на каждый миллиметр хода штурвала, как машина замедляется и тяжелеет, теряя подъёмную силу. Он видел полосу, серую полосу на сером фоне — и понимал, что не попадает, что несёт чуть левее, что скорость велика.

Машина сопротивлялась, давая понять, что есть предел: вот здесь она ещё держит, а здесь начинает срываться. Он выровнял, коснулся полосы — жёстко, но без удара — и пробежал по ней, гася скорость, пока колёса не остановились.

Девушка захлопала в ладоши. Виктор посмотрел на неё и увидел, что она улыбается.

— Ты летал, — сказала она.

— Я летал, — подтвердил он.

Но третий полёт не состоялся. Когда Виктор на следующий день пришёл в ангар и запустил двигателя, правый стучал, дёргался, давал перебои. Виктор слушал не ухом, а всей кожей, всем чувством, которое когда-то называлось интуицией, а теперь стало профессией. Он понял: поршневая группа. Что-то в одном из цилиндров износилось или сломалось — кольцо, клапан, вкладыш. Двигатель ещё работал, но работал на износ, и каждый запуск приближал момент, когда он остановится и не запустится снова.

Виктор заглушил моторы и долго сидел в кабине, положив руки на штурвал. Он думал не о том, что нельзя летать. Он думал о том, что они только что получили шанс, который сразу развалился. Запчастей не было. Инструментов мало. Масла и топлива хватало на несколько полётов, не больше. Он мог починить электронику, мог перенастроить систему, мог «поговорить» с любой машиной, но он не мог выточить поршневое кольцо напильником и линейкой.

Пока что Виктор закрыл ангар и повесил на дверь найденный замок. Он закрыл его тем же камнем, которым сбил старый, и пошёл обратно в подземелье, неся в рюкзаке два литра авиакеросина, которые они обменивают на барахолке на восемь пайков; в голове осталось ощущение полёта, которое не стиралось ни грязью, ни холодом, ни тьмой туннелей, по которым он спускался обратно в землю.

Перед тем как уйти, Виктор постоял у ворот аэродрома и посмотрел на запад. Во втором полёте, когда они с Лизой забирались выше, он заметил в той стороне ровную тёмную полосу и цепочку ангаров, которые не походили на руины — они выглядели целыми, законсервированными. Тогда он не придал этому значения: «Айлендер» ещё держался. Теперь, когда двигатель умер, этот образ всплыл сам собой. Виктор запомнил ориентиры и, вернувшись в подземелье, нанёс их на самодельную карту. Если «Айлендер» больше не взлетит, до тех ангаров можно дойти пешком.

В один из типичных, бесконечно долгих вечеров Виктор сидел в продавленном кресле, невидящим взором уставившись на экран старого пузатого монитора, где крутилась довоенная видеозапись. На экране шумело зелёное лето, люди ходили в лёгких рубашках, и эта реальность казалась мальчику красивой сказкой. Элизабет в это время возилась у самодельной плитки на кухне, пытаясь соорудить ужин из скудных припасов, а Мухандис уже второй час пропадал на барахолке, гигантском подземном рынке, разросшемся вокруг центрального бункерного склада.

Барахолка была единственным местом в радиусе пятидесяти километров, где ещё можно было раздобыть одежду и консервы, гарантированно не заражённые радиацией. Со всех концов города туда тянулись измождённые, укутанные в тряпье люди. Здесь же работали «живые карты» — немолодые проводники, что за кусок хлеба пересказывали не нарисованные планы, а исхоженные шагами пути: где тоннель обвалился, где коллектор держит, у какого склада недавно сели бандиты. Их слушали, как слушают буи в тумане, и каждая ошибка такой карты стоила жизни тому, кто пошёл по ней.

Виктору довелось идти с одной такой картой в первый же месяц. Проводник, сухонький старик по прозвищу Семафор, вёл его к складу керосина через пересадочный узел. Половину пути старик шёл уверенно, как по собственному коридору, но на развилке, где сходятся третья и четвёртая ветки, остановился и долго стоял, шупая стену ладонью. «Здесь аварийный люк был, — пробормотал он. — Кто-то его заложил. Не камнями — мешками. Значит, за ними кормятся». Виктор хотел предложить обход, но Семафор уже повернул в боковой коллектор, которого не было на планах, и пошёл вперёд, не оглядываясь, считая шаги и повторяя под нос какие-то числа. Через сорок минут они вышли на склад с другой стороны. «Меняются туннели, — сказал Семафор, принимая свою плату. — Люди меняются, стены тоже. Карта, что лежит в голове, должна идти в ногу с ними. Иначе это не карта, а надгробие».

С тех пор Виктор никогда не шёл вслепую по чужим рассказам: каждую «живую карту» он проверял на перекрёстках, сверял с тем, что видел сам, и запоминал не маршруты, а ориентиры — места, которые могут измениться. Это спасло им с Мухандисом жизнь не раз.

Видеозапись на кассете с шипением закончилась. Виктор вздохнул, убрал кассету в пластиковый футляр и прошёл на кухню. Элизабет, нахмурившись, сосредоточенно колдовала над сковородой.

— Мухандис ещё не вернулся? — не оборачиваясь, спросила она.

Они ждали от него консервов, немного картошки и, если повезёт, соли, которая в их лагере практически иссякла. Но труднее всего в подземном Нанте было достать хлеб: мука ценилась на вес золота.

— Схожу за него. — Виктор поправил плотную куртку. — Застрыл, поди, в очереди на выдаче?

Элизабет вытерла лоб.

Их друг появился только через три часа. Войдя внутрь и с трудом переводя дыхание, он сбросил на пол потяжелевший рюкзак. Лицо его было бледным и хмурым, выцветшим от холода и недосыпа. А когда выложил все новости, ребята впервые заговорили о том, за что вообще держатся на этом месте.

— Новости плохие. — Мухандис растирал заиндевшее лицо, садясь на ящик. — На складе — пайков на три месяца, не больше. Администрация подняла плату за места. Парижские беженцы продолжают прибывать. В такой схеме не хватает одного элемента — нас. Уходим.

Виктор молчал долго. Потом признался, что не может выбросить из головы отца, который ушёл в своё управление и пропал. Не ради карты или приказа, а ради вопроса: «Кто ещё решил за нас, что мы умрём?» Мысль эта теперь отзывалась не гневом, а глухой усталостью. Любой протест казался тяжёлым, непосильным грузом, как лишний килограмм в рюкзаке, когда сил едва хватает на шаг.

Элизабет встала, но в этом движении не было твёрдости, скорее — попытка обмануть себя, вернуть ощущение контроля. Её отец тоже погиб, и теперь каждый её расчёт был не про выживание, а про то, чтобы его смерть не оказалась напрасной. Но цифры всё чаще расплывались. Логика спотыкалась об одно банальное, унижительное чувство: пустой желудок делал любую стратегию зыбкой, словно лёд над трещиной.

Мухандис слушал и вдруг выпалил, вытолкнув из себя слово, чтобы не дать ему задушить изнутри:

— Я не хочу, чтобы система победила. Та, что решала за людей без людей. Если мы не уйдём, она победит.

Слова прозвучали громко, но тут же утонули в гуле вентиляции — в этом звуке, который давно перестал быть фоном и стал частью холода, частью помещения, где слышно ослабевающее дыхание.

Могло показаться, что в бункере само пространство стало экономить воздух, тепло, надежду. Каждый вдох давался чуть тяжелее, каждый взгляд задерживался на чужих лицах чуть дольше, в поисках хоть капли уверенности, которой ни у кого не было. Холод пробирался под одежду, под кожу, под мысли, сжимая тело в тугую, болезненный узел. Недоедание делало мир плоским и тусклым: яркие идеи гасли, смелые планы становились словами, которые стыдно произносить вслух, потому что они звучали как ложь.

Сегодня, когда каждый звук казался преувеличенно громким, а каждое молчание выглядело опасно долгим, ребята поняли: безысходность подкралась не криком, не взрывом, не сиреной. Она пришла с будничным холодом, с пустым желудком и с бессилием держать спину прямо.

В марте 2042 года радиоприёмник поймал Австралию, а именно Мельбурн. Из радиопередач следовало, что этот регион не затронут ударами: там относительно тепло, много чистой еды и мало населения. Туда стремились все, кто уцелел и мог перемещаться. У ребят появилась надежда, но сейчас она казалась хрупкой, как тонкая сосулька: одно неловкое движение расколет её на мелкие куски.

Месяц назад они добрались до той самой законсервированной базы, которую Виктор разглядел с воздуха, и наткнулись там на уцелевший прототип сверхдальнобойного транспортно-разведывательного самолёта СТРС «Архангел-1». Нашли его на недостроенном до войны и законсервированном военном объекте на окраине Нанта, на территории испытательной базы «Дассо». Эта машина строилась в довоенную эпоху по программе дальнего патруля и так и не пошла в серию. Прототип был модифицирован. Тринадцатиметровый пассажирский салон: передняя секция переоборудована под разведывательную аппаратуру «Талес», задняя используется под грузовой отсек. Кресло штурмана установлено позади двух пилотских. Экипаж состоит из трёх человек. Три двигателя были не роскошью, а страховкой: при отказе одного мотора над открытым морем оставшихся двух хватит, чтобы дотянуть до берега. Только страховка вышла с оговоркой: один из трёх моторов был капризным «паразитом», который так и не удалось довести до полёта, и неизвестно было, в какой точке пути он снова откажет. Топливные баки под модификацию тоже расширили, выжав из фюзеляжа каждый лишний литр. Дальность без дозаправки — двенадцать тысяч километров при крейсерской скорости девятьсот километров в час. Низкая посадочная скорость — сто девяносто восемь километров в час. Посадочная дистанция в шестьсот семьдесят семь метров позволяет садиться на короткие и повреждённые полосы.

Главными проблемами оставались две вещи: топливо и пилотирование. С топливом дело постепенно сдвигалось. Виктор и Мухандис по канистрам сливали авиакеросин «Джет А-1» из заброшенной техники и фильтровали его через импровизированную систему из ткани и мелкого песка. Перед заливкой керосин отстаивали в канистрах сутки: вода, тяжелее топлива, оседала на дно, и её сливали через нижний штуцер. Лететь предстояло вслепую. Системы глобального позиционирования не отвечали: мёртвый штиль на всех частотах. Спутниковая связь молчала, будто её никогда и не существовало. Наземные навигационные маяки, если они ещё

где-то и теплились слабым сигналом, были так же далеки и недостижимы, как звёзды за бронированным иллюминатором. Вместе с солнцем и звёздами исчезла вся хрупкая сеть, что когда-то вела пилотов сквозь небо.

Оставалась только инерциальная навигационная система. Упрямая и автономная, она не нуждалась во внешних сигналах, лишь в инерции и математике, за которые цеплялась, как за якорь. Но каждый опытный пилот знал её проклятие: дрейф. Отклонение на три–четыре километра в час, незаметно нарастающее, словно яд, проникающий в кровь. Без внешней коррекции ошибка не просто росла: она множилась, грозя превратить точный маршрут в ложный след.

За десять часов без поправок, самолёт мог отклониться на тридцать семь километров: пролететь мимо точки назначения, даже не заметив. Сердце сжималось при этой мысли: тридцать семь в пустоте, где нет ни знаков, ни ориентиров.

Элизабет понимала: единственный способ вернуть точность — визуальный. Она должна была опознавать ориентиры: сквозь дымку выхватывать взглядом береговые линии, мысы, острова и вручную подправлять упрямую машину. Ошибись на полградуса, и за спиной окажутся лишние триста километров пустоты. А каждый узанный мыс мог приблизить их к цели.

Мухандис попытался добраться до подземного топливного резервуара, но люки были заварены оплавленным металлом, а шахта забита обломками. Тогда нашли другой путь: на периметре базы стояли три военных грузовика-топливозаправщика. Один был сожжён, второй завален, но третий — целый, с ручной помпой и цистерной на пять тысяч литров.

Завести двигатель не удалось: стартер мёртв, аккумуляторы разряжены, но помпа была механической, работала от рычага. Мухандис три дня чистил её, менял прокладки, смазывал. От паров топлива его неделю качало: голова кружилась, желудок сжимался, а во рту стояла такая едкая горечь, что он без конца сплёвывал.

Когда помпа наконец заработала, Виктор и Мухандис ездили на топливозаправщике по периметру базы, сливая авиакеросин из баков аэродромной техники: тягачей, наземных генераторов, заправочных модулей. Набрали около четырёх тысяч литров. Но этого не хватало. Оставшиеся двенадцать тысяч собирали канистрами: по двадцать литров за ходку. Десять-двенадцать ходок в день, без перерывов, два месяца подряд. К концу первой недели плечи ныли от тяжести, а шаги становились короче; к середине второго месяца они уже различали каждый камень на маршруте и не пытались разговаривать. Ради этого топлива им пришлось оставить на земле то, что не касалось полёта: лишний груз, тёплую одежду и почти весь запас воды из убежища. Первые дни в воздухе им придётся терпеть жажду: воды на всех едва пригоршня, и её берегут на крайний случай.

Виктор стёр кожу на ладонях до волдырей, затем до мозолей, и к концу третьей недели ладони стали как подошва. В последний раз, при опускании шланга в заливную горловину самолёта, помпа захлебнулась, всасывая воздух: баки были полны на девяносто два процента. Шестнадцать тысяч семьсот литров. До Бомбея хватало с резервом, которого на деле никто не обещал. Взлетали с перегрузом: самолёт с трудом рвался с полосы, и каждый килограмм, оставленный на земле, потом отзывался нехваткой тепла и воды в кабине.

Мухандис часами просиживал над моторами: их было три, и каждый требовал внимания после длительного хранения: проверка масляной системы, очистка топливных форсунок, диагностика электронного блока управления. Виктор взял на себя изучение навигационных карт и расчёт курса: расстояния, точки поворота, запасные аэродромы, расчёт топлива по сегментам. Элизабет же методично собирала тёплую одежду и запечатанные герметичные припасы.

К началу июня всё было практически готово. Виктор и Мухандис тайком расчистили участок старой взлётно-посадочной полосы от ледяных торосов: нужно было минимум полтора

километра для разбега, и они едва наскребли тысячу семьсот. Мухандис выровнял поверхность полосы, проверил давление в шинах, прикинул взлётную массу: с неполной заправкой и тремя людьми на борту разбег должен был уложиться. Наметили на старой карте детальную трассу. План выглядел безумным для подростков, но это был их единственный шанс.

Маршрут, вычерченный Элизабет, казался безумием даже на бумаге. Нант, Тунис, вдоль средиземноморского побережья Северной Африки. Далее Суэцкий канал. Затем курс через Аравийский полуостров и Аравийское море к западному побережью Индии, к Бомбею. Оттуда на Сингапур. Джакарта оставалась запасным вариантом дозаправки. Конечные точки Дарвин или Мельбурн. Карта под пальцами уже пошла складками, а карандаш продолжал делать заметки.

Города были выбраны не случайно: каждый служил потенциальной точкой дозаправки, шансом пополнить резерв авиакеросина. Бомбей значился первой точкой, и единственной, до которой у них хватало топлива. Элизабет снова свела цифры в столбик, провела черту и посмотрела на итог так, будто надеялась, что он изменится сам собой. Запаса на манёвры не было. Ни капли.

Она держалась за довоенные справочники как за якорь: по ним рядом с бомбейским аэропортом располагалась военно-морская база «Ангре», логистический и административный центр Западного морского командования Индии. Оставалась надежда, что стратегические запасы топлива там могли уцелеть. Второй точкой шла Джакарта, военный аэродром Халим Перданакусума, база ВВС Индонезии с собственными хранилищами. Но до Джакарты они не дотянут, если Бомбей окажется пустым.

Девушка обвела Бомбей кружком и дописала на полях: «План А — топливо, план Б — Сингапур». Фраза звучала как самообман: если в Бомбее пусто, никакого Сингапура не будет. Но она всё равно её написала, чтобы не признавать вслух, что у них остался только один шанс.

Маршрут шёл строго вдоль береговых линий, не ради краткости, а чтобы держать под контролем инерциальную навигацию. Каждый узнаваемый мыс, бухта, остров становились точками привязки: по ним можно было вручную корректировать курс. Между такими точками дрейф накапливался. Чем длиннее участок без ориентира, тем выше риск отклонения. Самый опасный отрезок ждал впереди: от северной оконечности Аравии до индийского побережья, три тысячи километров открытой воды, больше двух часов без единого берегового ориентира. Дрейф на этом участке мог составить до восьми километров.

В последнюю ночь, когда все карты были проверены, а Мухандис закончил отладку масляной системы и проверку топливных магистралей, ребята после долгой паузы легли спать с робкой надеждой. За пределами подвала выла тучная, беззвёздная и неестественно холодная июньская ночь.

Глава 4. Полёт

Утро 2 июня наступило незаметно. Небо за узким вентиляционным окошком едва заметно посветлело, окрасившись в грязно-пепельный цвет. Натужно зажужжал самодельный будильник. Виктор резко поднялся, на мгновение задержав пальцы на холодном металле панели. Из нагрудного кармана куртки он достал старый жетон, отцовскую транспортную карту Петербурга, вытертую до блеска по углам, с поплывшим отпечатком чужого пальца на синей полосе. Отец носил её в нагрудном кармане ещё в мирные дни, и она выгорела до бледно-серого цвета. Сжав карту в ладони, Виктор вспомнил: она была не талисманом, а напоминанием, что мир когда-то работал по расписанию, по обычным билетам, по простым человеческим правилам. «Проверь каждую цифру, даже если она у тебя перед глазами», — сказал он, повторяя отцовский совет, и включил мерцающий экран связи.

— Привет, «Прапорщик-12», — раздался из динамика хриплый, искажённый помехами голос дежурного с диспетчерского узла, которого Виктор тайком подкупил остатками недельного пайка. — Что там в Нанте, какова плата?

Виктор бросил быстрый взгляд на часы.

— Меньше четырёх пайков на человека. Я отправляю своих людей и самолёт по нашему графику. Давай коридор, пока патрули не проснулись.

Отключив связь, Виктор повернулся к Мухандису:

— Иди буди Бэтти.

Мухандис всегда называл подругу полным именем, Элизабет, а Виктор сокращал его до привычного русского «Лиза». Между собой, с Мухандисом, он позволял себе лёгкое «Бэтти».

Пока Мухандис запускал выравнивание инерциальной навигационной платформы (самолёт должен был стоять абсолютно ровно и неподвижно не менее десяти минут, пока гироскопы опорной базы не поймут меридиан), Виктор сверил карты, а Лиза досчитала последние припасы. Лететь решили только в светлое время суток: ночью берега не разглядишь, а без них инерциальная система снова начнёт врать. Ждать было мучительно, но без калибровки платформы весь полёт превратился бы в рулетку.

Когда платформа замерла в зелёном секторе, Мухандис подключил найденный на базе наземный источник питания — дышавший с трудом, но рабочий — и запустил средний двигатель первым. Тот прокрутился, кашлянул, сбросил конденсат и взял ровный тон. Когда обороты стабилизировались, от отбора воздуха среднего двигателя запустились два боковых. Все три турбины «Пратт энд Уитни» кашляли, сбрасывали конденсат и всё же взяли ровный тон: три высоких голоса, сливающихся в один.

Мухандис бросил взгляд на индикаторы: давление масла в норме, обороты стабильны, температура газов на всех трёх двигателях в зелёном секторе.

Лиза, быстро собрав последние сумки, без лишних слов заняла кресло штурмана, позади и между пилотскими. Перед ней располагался экран инерциальной навигационной системы и оптический модуль разведывательного комплекса: тяжёлый окуляр на шарнирном кронштейне.

Назад дороги не было.

Прототип оторвался от обледенелой полосы Нанта с тяжёлым надрывом: тысяча семьсот метров разбега, последние двести прошли по льду, который Мухандис вчера засыпал песком, но ветер сдул половину. Машина уверенно набирала высоту. Три двигателя вывели борт на

четыре тысячи метров и держали устойчиво. Самолёт взял курс на юго-восток, к африканскому берегу.

На первом часу полёта Мухандис склонился над приборами и нахмурился:

— Расход выше расчётного на двенадцать процентов. Мы летим на четырёх тысячах вместо оптимальных двенадцати: плотность воздуха больше, сопротивление выше. Плюс обледенение крыла набирает массу быстрее, чем я предполагал. Если не найдём топливо в Бомбее, до Джакарты не дотянем.

— Другого выхода нет, — Виктор не отводил взгляда от полосы. — Облака на пяти тысячах, выше — белое молоко: берега не увидим, поправку не внесём, уйдём в море и не заметим.

Под крылом открывалось Средиземное море. Оно не замёрзло (масса воды, которую не остудить за зиму), но у берегов тянулась грязная кромка ледяной каши, а вода казалась густой, тяжёлой, неестественно тёмной.

Через полтора часа Лиза подняла голову от экрана:

— Берег. Мыс Кап-Бон. Скорректируй курс, мы ушли на пять километров восточнее расчётной точки.

Виктор повернул ручку управления. На экране инерциальной системы цифры обновились: дрейф обнулён, координаты привязаны к визуальному ориентиру. Внизу проплывали пригороды, давно покинутые и припорошённые инеем; снега не было, но всё казалось вымершим.

— Час сорок до побережья Ливии, — коротко бросила Лиза. — Дрейф начнёт копиться снова.

Дальше шли строго вдоль берега, сверяя курс с каждым узнаваемым мысом и бухтой, пока между привязками снова накапливался дрейф.

По бумажному плану самолёт должен был идти через Суэцкий канал и дальше вдоль Красного моря. Но над Египтом и Эфиопией висело такое плотное задымление, что береговая линия скрылась за слоем сажи, и привязываться стало не к чему. Лиза, склонившись над картой, развела руками, а Виктор, занятый пилотированием, попросил её решать самой.

— Идём по плану, через Красное море, — сказал Виктор, не оборачиваясь.

— Не могу, — ответила она. — Под нами сплошная мгла, я не вижу берегов. Если пойду по инерциальной без привязок, мы уйдём неизвестно куда.

Виктор промолчал. Он держал машину, и в кабине не было минуты на спор.

— Предлагай другой путь. Лиза провела пальцем по карте. — Есть обход. Подняться севернее, выйти к Персидскому заливу, обогнуть полуостров через Ормузский пролив, а там Аравийское море. Потеряем в пути, но сбережём ориентиры.

Она быстро прикинула новый маршрут. Лишние триста километров, час с лишним в воздухе и заметная доля топлива. Виктор молча кивнул, и машина легла на новый курс, к Израилю.

Когда они пересекли береговую линию Израиля и повернули к Персидскому заливу, внизу открылась страшная картина. От некогда величественных городов не осталось и следа. Кое-где до сих пор тлели подземные пожары, тёмные, дымные, без пламени.

Залив облетели строго по восточному берегу. Теперь каждый посёлок служил точкой коррекции. Лиза вносила поправку, и дрейф не успевал накопиться больше пяти-семи километров.

Пройдя Ормузский пролив, узкий, зажатый между сушей, где берег давал идеальную линию ориентира, самолёт обогнул северную оконечность Омана и взял курс на восток, через Аравийское море, к индийскому побережью.

Здесь пейзаж стал однообразным: ни огней, ни признаков жизни, только свинцовая вода и серое небо. Пилоты вглядывались в иллюминаторы до рези в глазах.

— Самый опасный отрезок, — проговорила Лиза, не отрываясь от карты.

Аравийское море ещё держалось. Оно было достаточно близко к экватору, чтобы холод ядерной зимы, третий год подряд, не смог сковать его льдом. Но оно стало другим: вспененным крупной угловатой зыбью, которая не разбивалась о берег, а катилась бесконечно, не зная, куда ей деть свою мёртвую тяжесть. Небо висело низко, готовое рухнуть на фюзеляж.

Виктор повёл самолёт ниже, опустившись до двух тысяч метров. Шквалистый ветер бросал машину, заставляя её вздрагивать, но пилоту нужно было увидеть каждую деталь: это был последний участок без берегового ориентира, и внизу, если повезёт, можно было различить корабль, остров, любой объект для привязки. Цифры на дисплеях подрагивали, вторя нервной дрожи в пальцах Виктора. В разгар отрезка третий мотор, тот самый капризный «паразит», вдруг скинул обороты и захрипел, грозя встать. Виктор выровнял крыло на двух, а Мухандис, не говоря ни слова, пошёл в грузовой отсек: за борт полетело то, что не было жизненно необходимым, в том числе и часть воды, которой и так не хватало. Машина облегчилась почти на полтонны, мотор, будто послушавшись, выровнял обороты, но до Бомбея теперь без единого лишнего килограмма.

— Держу курс, — крикнул он, перекрывая вой турбин. — Лиза, оптика.

Лиза прильнула к окуляру оптического модуля. На экране перед ней картинка дрожала, но автоматика быстро подстроилась: резкий зум выхватил палубу брошенного судна.

Они заметили его: огромный танкер, медленно дрейфующий среди свинцовых валов, без огней, не отвечающий на аварийные частоты. На палубе царила пустота: ни тел, ни спасательных шлюпок. Только сорванная антенна и открытый люк, ведущий в машинное отделение. Морская вода и ледяной ветер заставляли брызги на поручнях застывать стеклянной коркой.

Мухандис щёлкал тумблерами, подбирая частоты. Его пальцы бегали по панели, выжимая из аппаратуры всё, что она могла дать в этих условиях.

— Ничего на стандартных каналах, — он вёл ползунок по спектру. — Помех много, но что-то есть на 124.75. Ритмично. Не голос — маркер.

Он вывел сигнал на динамик. Сквозь треск и шипение пробивался ровный, механический пульс, короткие импульсы, словно кто-то или что-то автоматически отбивало код.

— Это не случайный шум, — Лиза не отрывалась от оптики. — Смотри: на обломке антенны примотан модуль. Прямоугольная коробка, грубо обмотанная изоляцией. Мигает диод, значит, питание ещё есть.

— РМП... Радиомодуль передачи, — Мухандис сам себе подтверждал догадку. — Скорее всего, автоматический цикл. Передаёт одно и то же, пока хватает батареи.

Он подкрутил фильтры, приглушил лишние частоты, и сквозь помехи пробился прерывистый, искажённый голос, говоривший уже из другого времени:

«Внимание. Опасность заражения воздуха. Вентиляционная система. Неизвестный газ. Источник не установлен. Внимание. Опасность...»

Сообщение повторялось каждые тридцать секунд. Такое застывшее во времени предупреждение, которое никто не успел услышать.

Виктор крепче сжал ручку управления. Холод пробирался сквозь обшивку, но сейчас его бил другой мороз, от понимания, что этот корабль не просто брошен. Он кричал, и его крик кружил над стылмым морем, пока мир замерзал.

Лиза выдохнула, не отрываясь от экрана:

— Рядом с модулем ещё один разъём. Похоже, его подключали к резервной линии. Кто-то очень хотел, чтобы этот сигнал ушёл.

Мухандис кивнул, не сводя глаз с осциллограммы:

— И он ушёл. Просто некому было его принять.

Снова и снова звучала одна и та же искажённая фраза, но сама реальность не хотела её стирать.

Виктор переглянулся с Лизой. В этом взгляде не было слов, только общее понимание: это был не последний погибший корабль. Это было предупреждение, которое пролетело мимо человечества, затерявшись в ветрах ядерной зимы.

— Корабль — точка привязки, — Лиза первой вернулась к делу. Она ввела координаты танкера в инерциальную систему, обнулив накопленный дрейф. — От него до бомбейского побережья — тысяча двести километров. Час двадцать. Дрейф не больше пяти километров. Дотянем.

Самолёт набрал высоту, оставив призрак позади. Впереди их ждала Индия.

Глава 5. Бомбей — Джакарта

Самолёт летел строго на юго-восток. Попадались остовы судов, снесённые мачты, хлопья сажи над пустой водой, останки торговых путей мира.

Десять с лишним часов в воздухе от Нанта до Бомбея, и детская беззаботность окончательно сошла с их лиц, уступив место суровой сосредоточенности. Индию внизу было невозможно узнать. Некогда яркая, шумная и перенаселённая страна превратилась в безмолвную пустыню, укрытую слоем серого пепла и наносного льда. Береговая линия, над которой они летели, давала ориентиры для инерциальной системы. Лиза, склонившись над картой, находила опознанные мысы один за другим, и палец её скользил по разметке, не успевая за усталостью, которая уже давила на веки.

Мухандис смотрел в иллюминатор. Под ним лежала земля, где когда-то жили его предки, — не в Ираке, а в древней Индии, откуда его семья перебралась в Багдад поколения назад. Теперь от этой земли осталась только серая корка. Он отвёл взгляд и вернулся к приборам: считать было легче, чем помнить.

Миновав пелену прибрежного смога, самолёт зашёл на посадку. Бомбейский аэродромный комплекс раскинулся под свинцовым небом, огромный, опустошённый, но с уцелевшей взлётно-посадочной полосой. Лиза опознала местность по разметке и ориентирам: это была территория, где довоенная карта показывала военно-морскую базу «Ангре», тыловой логистический центр Западного морского командования Индии, прилегающий к гражданскому аэропорту. Небо здесь, как и над Красным морем, было чистым от радиационного фона; основных ударов по этому району, похоже, не было. Однако сам город выглядел ужасающе: прибрежная его часть была стёрта с лица земли колоссальными волнами цунами, вызванными океанскими взрывами, а то, что уцелело от воды, было придавлено серым пеплом.

Посадочная дистанция прототипа составила бы меньше семисот метров при нормальной массе. С неполной заправкой и тремя людьми на борту Виктор уложился в пятьсот, хотя на последних ста метрах полоса была покрыта тонкой коркой льда и машину чуть повело влево. Виктор заглушил двигатели: сначала боковые, потом центральный, и наступило оглушительное молчание. Аэродром встретил их звенящей пустотой. И снова ни капли доступного горючего. Остаток в баках составлял около пяти с половиной тысяч килограммов. До Джаарты нужно семь с лишним. Не хватало.

— Смотрите туда, за ограду, — Мухандис указал на массивный комплекс зданий в километре от периметра. — Крыша с вертолётной разметкой. Там большая стационарная цистерна. Я займусь нашим самолётом, нужно осмотреть маслосистему на всех трёх двигателях и проверить фильтры. Вы проверьте ту базу.

Виктор с Лизой, найдя в одном из заброшенных ангаров уцелевший велосипед, вдвоём отправились к комплексу. Это оказался частный промышленный объект с собственной вертолётной площадкой и топливным хозяйством.

Бомбей стал первым городом на их пути, который показал им страшное и необъяснимое зрелище. На улицах не было следов паники или привычных разрушений от взрывов, но повсюду находились люди. Правда, живых среди них не было. Велосипед пришлось оставить: дальше он был бесполезен.

Возле небольшого уличного ресторанчика они остановились. Внутри огромного промышленного морозильника им удалось раздобыть припасы: консервы, маргарин, галеты. Правда, половина банок была с давно истёкшим сроком, отчего их пришлось перебирать и откладывать на потом. Уцелевшие лежали в герметичной фабричной упаковке. Когда Лиза разгребла верхний слой коробок, из-под них выглянул ярко-синий детский рюкзак с нашивкой в виде ракеты. На лямке чернилами было выведено имя и класс: «Арун, 4-Б». Виктор оста-

новился. Мальчик, который, возможно, ждал, пока родители вернутся с работы. Виктор аккуратно положил рюкзак на место. На стене у входа мелом, торопливым детским почерком, было выведено: «Мама, я в школе. Не волнуйся». Лиза прочитала и отвела взгляд. Позже, вычерчивая карты эвакуации, она не раз ловила себя на том, что напротив «Мама, я в школе» мысленно ставит галочку. Ради Аруна, которого не успел забрать никто, чужие дети обязаны были улететь.

Загрузив сумки, ребята решили заглянуть в бар через дорогу. Едва переступив порог, Лиза вскрикнула. За столиками и у стойки сидели люди. Около двадцати человек. Они замерли прямо в тех позах, в которых их застала смерть: один скорчился на стуле, сжимая в руке стакан; другой застыл у стойки, намертво ухватившись пальцами за деревянный край. Их лица были мертвенно-белыми, губы — тёмно-синими. Виктор заметил на полу детский ботинок, аккуратно поставленный у ножки стула. Рядом лежала смятая бумажная обёртка от конфеты. В глубине здания что-то коротко и ритмично щёлкало, отсчитывая последние секунды.

— Это не радиация, — Виктор пытался к выходу, говоря шёпотом. — Они умерли все сразу. Как команда того танкера. Он вспомнил записи радиопередачи: «Неизвестный газ. Источник не установлен». И понял: Бомбей умер не от бомб. Он умер от того же, что убило команду того судна. Только в масштабе целого города.

Ребята в ужасе бросились прочь из бара. Добравшись до комплекса, они нашли то, что искали: в стационарной цистерне за фабрикой осталось около четырёх тысяч литров авиакеросина Джет А-1, не военный стандарт Джей-Пи-8, но пригодный гражданский сорт. Мухандис проверил плотность самодельным ареометром, понюхал, капнул на белую ткань — без осадка, без водяных включений. Достаточно, чтобы долить около полутора тонн и оставить резерв. Ручной насос на второй минуте заклинило: сломался поршень, и полтора часа ушло на то, чтобы перекачивать топливо вручную, ведро за ведром, через сложенный вдвое рукав. Пока Мухандис прогревал двигатели от наземного источника, Лиза перезапустила выравнивание инерциальной платформы: снова десять минут неподвижности. Едва баки были заполнены и платформа замерла в зелёном секторе, самолёт поднялся в воздух. Дозаправка съела больше времени, чем планировалось: конвективный шторм, гнавший их от Индии, с востока, и на старте пришлось оставить часть снаряжения и припасов, тяжёлое имущество так и осталось лежать на разъезженной грунтовке за фабрикой.

Курс лежал на юг, вдоль западного побережья Индии, к южной оконечности Индостана и дальше через Малаккский пролив к Джакарте. По плану — шесть с небольшим часов, а получилось семь. Но при полной заправке топлива хватало с запасом. Лететь в постоянном напряжении было тяжело, поэтому ребята установили чёткое дежурство у иллюминаторов и боковых ручек управления. Настала очередь Мухандиса сменить Элизабет у навигационной панели.

Они не пролетели и сорока минут, как Мухандис, не отрывавший взгляда от приборов, крикнул: — Впереди стена! Они посмотрели в лобовое стекло. Горизонт исчез. На его месте стояла чёрная, ревушая масса, от поверхности моря до потолка в восемь тысяч метров, заполняющая всё видимое пространство на юге и западе. Это было не облако, а чудовище. Внутри вспыхивали цепочки молний, не сверху вниз, а горизонтально, зигзагами, словно грозовой массив бился в конвульсиях. Воздух вокруг самолёта уже загустел, турбины начали натужно выть, и самолёт, рассчитанный на спокойные эшелоны двенадцати тысяч метров, а не на прорыв через атмосферный ад, мелко завибрировал.

— Это не обычный шторм, — Мухандис побледнел. — Разница температур между океаном и верхними слоями огромная. Тёплая вода внизу, минус сорок на высоте. Это конвективная бомба. Она будет расти, пока не выкачает последнее тепло из моря.

— Можно пройти сквозь? — Виктор не отвёл взгляда от чёрной стены.

— Можно, если ты на лётном истребителе. Больше чем в два с половиной раза мы не выдержим нагрузку выше привычной, а этот шторм может выдать больше. Он разорвёт обшивку. Или мы наберём лёд за три минуты, и крыло не выдержит массы.

— Обойти? — С запада — в открытое море, навигация вслепую, дрейф десять километров. С востока — над Индией, по материке. Тогда выйдем к Бенгальскому заливу. Дальше — на юг вдоль побережья.

Виктор посмотрел на Лизу. Она уже склонилась над картой, считая что-то в уме.

— Бомбей — Калькутта, по прямой — тысяча шестьсот пятьдесят километров. Это два часа над сушей, без береговой линии. Потом Калькутта — Сингапур — Джакарта. В сумме выходит примерно столько же, сколько по плану. Может, на триста километров больше. Топлива хватит, но резерва не останется.

— Калькутта? — Мухандис поднял бровь. — Зачем туда?

— Навигация, — ответила Лиза. — Калькутта — крупнейший город на побережье Бенгальского залива. Довоенный ориентир, который я смогу опознать с воздуха. Дельта Ганга, Хугли, мост Ховра. Если я не найду Калькутту, я не привяжу систему, и до Сингапура летим вслепую три тысячи километров. Дрейф будет двенадцать–пятнадцать километров. Мы можем пролететь мимо всего пролива и уйти в Тихий океан.

Виктор заложил вираж. «Архангел-1» лёг на северо-восток, вглубь индийского материка, спиной к шторму.

Пересечение Индии заняло час пятьдесят минут. Под крылом проплывали Сатпура и Восточные Гаты, тёмные горные гряды, заснеженные, неузнаваемые. Лиза работала на пределе: реки, повороты шоссе, характерные изгибы долин были единственным, что совпадало с довоенной картой. Инерциальная система накапливала дрейф, и каждые двадцать–тридцать минут Лиза вбивала новую поправку, привязываясь к опознанному участку реки или разрушенному городу, видимому серым пятном на коричневой равнине. Она устала так, что цифры начинали плыть: суша не давала чётких линий в виде берега моря, а давала хаос, и в этом хаосе нужно было найти порядок.

Когда впереди блеснула вода, Бенгальский залив, Лиза выдохнула и поправила курс. Береговая линия появилась снова: залив, пляжи, мангровые заросли дельты. Впереди, по левому борту, на северо-востоке, из серой мути поднимался силуэт.

— Калькутта, — сказала Лиза. — Вижу мост Ховра через Хугли. Координаты подтверждены. Привязка.

Она ввела поправку в систему. Дрейф за время пересечения Индии составил шесть километров, больше, чем на любом морском участке. Но теперь координаты снова были точными.

Виктор сбросил скорость и повёл машину ниже, к трём тысячам, чтобы Лиза могла рассмотреть город через оптический модуль.

— Зачем? — Мухандис обернулся.

— Бомбей, — коротко ответила Лиза. — Все эти люди. Бар. Если это было только в Бомбее или если это везде, то мы должны знать.

Она прильнула к окуляру. Минуту молчала. Потом проговорила: — Нет. Не только в Бомбее.

Под ними лежала Калькутта, пятнадцать миллионов человек, третий по величине город Индии, огромный, раскинувшийся по обоим берегам Хугли. Город был цел. Ни одной воронки, ни одного снесённого квартала. Дома стояли, мосты висели над рекой, крыши блестели под мокрым пеплом. Всё было на месте.

Но город был мёртв.

Совсем не похож на Бомбей, где они ходили по улицам и видели двадцать тел в баре. Здесь масштаб был другим. С высоты трёх тысяч метров Лиза видела улицы, все улицы, каждый проспект, каждую площадь, каждый переулок, и на каждой лежали тела. Не десятки, не сотни. Десятки тысяч. Тёмные точки, неподвижные, покрывающие тротуары и проезжие части сплошным слоем, словно тень от облака легла на асфальт и застыла.

— Господи, — прошептал Виктор, глядя вниз через лобовое стекло.

Лиза поправила волосы. Она развернула модуль, повела оптикой вдоль Хугли. Река была для миллионов людей священной, очищающей, дарующей спасение в круговороте рождений и смертей. Хугли была забита телами. Пальцы девушки вцепились в рукояти так, что побелели костяшки. Она не моргала. Ей хотелось моргнуть, чтобы картинка исчезла и оказалась сном. Но сон не исчезал.

— Не у берегов... — Лиза замотала головой. — По всей ширине. Лёд... он сковал реку. Мухандис и Виктор слушали её. Никто не дышал.

— Там... — Лиза сглотнула, но ком в горле не пропадал. — Под этим мутным льдом... тысячи тел. Они не плывут, они вмёрзли. Как будто река укладывала их слоями, один за другим, пока сама не застыла. Кто-то скрючился в попытках согреться. Кто-то тянулся к поверхности, но не успел.

Виктор хотел было сказать «не смотри», но слова застряли. Он представил эту картину, и его самого прошиб холодный пот, хотя в кабине было тепло.

— Ты уверена? — голос Мухандиса звучал напряжённо, он цеплялся за последнюю надежду, что это обман оптики, блик, дефект линзы. — Может, это просто тени? Наледь?

Лиза медленно покачала головой, не отрываясь от окуляра. Пальцы её скользнули к кольцу трансфокатора, она выкрутила максимальное увеличение. Поле зрения сузилось до нескольких десятков метров: кусок русла, мутный лёд, и под ним...

— Нет. Там детали. Чёткие. Видны складки одежды. Волосы... замёрзшие сосульками. Один... — она запнулась, и в голосе впервые прорезалась дрожь. — Один ребёнок. Совсем маленький. Он будто спит. Только кожа серая. И лёд вокруг него... застывшее стекло.

Виктор сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Ему хотелось сорвать этот модуль, разбить его, чтобы не слышать этого. Но он знал: и без модуля он будет видеть это. Теперь уже навсегда.

— Они шли в воду, — продолжила Лиза. — Думали, святая река смоем яд. А пришёл холод. И река... она не спасла. Река остановила время. Забрала их и запечатала.

Мухандис закрыл глаза. На секунду. Только на секунду, чтобы удержать внутри то, что рвалось наружу.

— Хватит, — вскоре сказал он. — Лиза, отойди.

Она не двигалась.

— Я должна... — прошептала она. — Должна увидеть и запомнить. Чтобы потом никто не сказал, что этого не было. Чтобы никто не смог стереть.

Мухандис наклонился к ней и осторожно положил ладонь ей на плечо. Не чтобы увести, а просто чтобы напомнить: она не одна.

— Мы видели, — сказал он. — Мы всё видели. Этого уже не стереть.

Лиза оторвалась от окуляра. Глаза были сухими, но в них стоял такой холод, словно часть этого льда из реки успела добраться и до неё. Она посмотрела на Мухандиса, потом на Виктора.

— Это не город, — сказала она, и голос её теперь звучал твёрдо, почти жёстко. — Это могила. Огромная. И она смотрит на нас.

Мухандис медленно кивнул. В груди было тяжело, как от настоящего вдоха этого ледяного воздуха Калькутты.

— И это ещё не всё, — сказал Виктор. — Смотрите. Северо-восточная окраина.

Виктор повернул машину. Внизу, за кольцевой дорогой, среди портовых складов и промышленных зданий, зиял кратер. Не от удара сверху, земля была вывернута наружу мощным взрывом изнутри. Из провала поднимался тёмный вертикальный столб, не дым, а что-то более густое, более тяжёлое, расплзающееся у земли веером, заполняющее улицы серовато-жёлтой пеленой. Газ. Тот самый. Он до сих пор выходил из-под земли, три года спустя после того, как что-то взорвалось в этом комплексе и выпустило его на волю.

— Это источник, — Мухандис наклонился к иллюминатору, вцепившись в край приборной панели. — Не бомба. Не ракета. Что-то внутри. Лаборатория. Склад. Что-то, что хранилось под землёй и рвануло, может, от ударной волны, может, само по себе.

— И газ с тех пор... — Лиза не закончила.

— Расползается. Три года. Бомбей на западе. Танкер в Аравийском море — ещё дальше на запад. Значит, облако дрейфует. Пассивно, по ветру. Медленно, но неумолимо.

В кабине раздавался только шум мерного гудения трёх турбин. Внизу серая пелена газа ползла по мёртвому городу неумолимым приливом, которому некуда спешить.

Виктор первым нарушил молчание:

— Уходим. Набираем высоту. Четыре тысячи — мало. Если газ поднимается до нашего эшелона...

— Не поднимается, — Мухандис покачал головой. — Он тяжелее воздуха. Это видно: стелется по земле, не уходит вверх. Но я не хочу это проверять. Уходим.

«Архангел-1» отвернул от Калькутты и взял курс на юг, вдоль побережья Бенгальского залива. Лиза сидела неподвижно. Она не смотрела в окуляр. Она смотрела на свою карту, и по карте шла тонкая стрелка: от того комплекса на северо-восточной окраине на запад, через весь Индостан, к Бомбею. К одинокому кораблю. Стрелка была нарисована не рукой, а воображением. Но длина её была реальной: тысячи километров.

Над Бенгальским заливом небо было другим. Здесь ядерная зима сдавала позиции: тучи реже, свет ярче, сквозь пелену всё чаще пробивался ослепительный блеск солнца. Береговая линия по левому борту, Мьянма и Таиланд, давала чёткие ориентиры, и Лиза вносила поправки каждые полтора часа. Руки больше не дрожали. Но глаза не отрывались от карты, где стрелка всё тянулась и тянулась на запад.

Они вышли к Малаккскому проливу на исходе шестого часа полёта.

— Сингапура больше нет, — сказала она. — Координаты совпадают с расчётной точкой. Под водой. Цунами от подводных взрывов и оседание рыхлого грунта прежних территорий.

Мухандис кивнул, не тратя слов:

— Курс на Джакарту. Держим эшелон ниже, под облачностью, — не попадём в обледенение.

Сингапур был запасным вариантом на случай, если в Бомбее не окажется топлива. Теперь запасного варианта не осталось. Лиза зачеркнула Сингапур на карте и написала рядом: «Под водой. План Б мёртв».

Горячее в баках было на исходе: обход шторма, пересечение Индии, потеря высоты над Калькуттой, маневрирование съели резерв. От Бомбея до Джакарты вышло семь часов, и расход на заниженном эшелоне был выше расчётного. Виктор скомандовал снижение и повёл машину к аэродрому.

Зондские острова встретили их дымящимися жерлами живых вулканов, которые проснулись после бомбардировок и затопливали побережье лавой. Джакарта была на грани затопления, огромные массы воды покрывали городские кварталы. Но военный аэродром Халим-Перданакусума, защищённый дамбами с северной стороны, уцелел. На последних ста километрах Виктор уловил на коротковолновом канале обрывки русской речи и свернул к ним, уже не вслепую, а на голос. Едва самолёт коснулся полосы Халим-Перданакусума, ребята замерли: в мёртвых доках к северу от аэродрома стояло целое судно под флагом России. А навстречу из

ангара уже выходили люди в форме. Российский экипаж, совершавший путь от Таганрога до Сиднея, — тот самый, что откликнулся на их позывные. Виктор почувствовал дрожь в теле. Соотечественники. Живые. Впервые за долгие три года.

Глава 6. Рассказ капитана

В кают-компании танкера, за чашкой горячего чая, капитан судна Григорий Генрихов поведал ребятам свою историю. Его голос звучал спокойно, но в нём чувствовалась тяжесть пережитого в смертельном пути.

— Когда в тридцать девятом году началась война, наш танкер, нефтеналивное судно класса «река-море» проекта РСТ-27 «Таганрогского танкерного флота», находился у берегов Испании. Шли с грузом мазута из Таганрога в Барселону. Дедвейт пять тысяч четыреста тонн, осадка три и шесть десятых метра, длина сто сорок один метр — не гигант, но море держал уверенно. Ледовый класс, усиленный корпус — это потом спасло нас на севере. Конец августа, последняя неделя навигации, мы как раз выгружались в порту Барселоны.

— В ночь с двадцать восьмого на двадцать девятое августа небо на востоке полыхнуло. Не зарево, а сплошной белый свет, будто солнце взошло за полчаса до рассвета, только в три раза ярче. Потом ударная волна. Не сильная, мы были далеко, но мачты качнуло, как от шквала. Радиомолчание. Потом обрывки сводок. Короткие, рубленные, из которых мы поняли только одно: обмен завершён. Всё, что могло взлететь, взлетело. Всё, что могло ударить, ударило.

Сделав паузу, капитан поднёс чашку к губам, но не отпил, а просто согрел ладони.

— Я принял решение прорываться на север, к родным берегам. Шли без связи, без подтверждённых сводок. Путь от Барселоны до Архангельска — около девяти тысяч километров. На десяти узлах, которые у нас были, это примерно двадцать суток чистого хода. Но мы шли медленнее. Обходили зоны, где вода горела, обходили плавающие обломки; один раз притормозили у побережья Бретани, думали высадиться за водой, но берег дымился так, что подойти не решились. В общем, добирались месяц. В начале октября вошли в Белое море.

Мухандис кивнул, глядя на карту:

— Девять тысяч километров без навигации и связи. Это дольше, чем вся наша дорога из Нанта.

— Звёзды к тому времени уже пропали, небо затянуло пеленой сажу. Ориентировались по старым бумажным картам, по рельефу берегов и по тем немногим маякам, что ещё подавали приглушённый свет на норвежском берегу, мимо которого мы шли.

— Дошли до Архангельска в первых числах октября. Белое море ещё держало, едва-едва, кромка льда уже шла шугой, но шлюз ещё пропускал. Но вместо великого порта застали только дымящиеся руины. Город был стёрт, не осталось ни причалов, ни кранов, ни силуэта набережной. Это был настоящий зимник: судового хода не было, буи сорваны, створные знаки повалены, фарватер забит обломками судов и контейнерами. И лёд наступал нам на корму, каждый час становилось холоднее, и шуга в воде густела в глазах. Ещё сутки, и мы бы застряли во льдах Белого моря до весны. А весной в этих широтах после ядерной зимы навигации не будет, она не начнётся.

Поставив чашку на стол, он посмотрел на подростков, как смотрят на тех, кому уже не соврёшь.

— Я бросил танкер. Взял и бросил, на рейде, на якоре, в полумиле от разрушенного мола. Слили остатки топлива в судовые танки, собрали что могли. Двадцать семь человек, весь экипаж, сошли на берег. Больше мы на это судно не возвращались. Навигация в Белом море закрылась через два дня после нашего ухода, нам рассказали потом приходившие в Ростов с севера: лёд встал.

Виктор на мгновение зажмурился: он представил, что, открыв глаза, увидит знакомый силуэт Адмиралтейства, тонкую иглу Петропавловки, набережные, по которым когда-то бегал мальчишкой. Но Петербург был уничтожен, по сообщениям, дошедшим до капитана в Ростове, подходы к городу и судоходные каналы оказались завалены обломками зданий и перевернув-

шимися судами. Город, его город, превратился в грудку мёртвого камня и ржавого металла, в безмолвный памятник тому, что уже не вернуть. Виктор отвернулся от всех, кто слушал рассказ капитана, уткнулся взглядом в переборку, где от старости шелушилась краска. Ему не хотелось, чтобы кто-то видел отражение того кошмара в его глазах, не чужого, а его собственного, выжженного в памяти навсегда.

— Дальше — суша, — продолжил капитан. — Две тысячи километров от Архангельска до Ростова-на-Дону. Через Вологду, Ярославль, мимо Москвы, мимо того, что от неё осталось. На уцелевшей военной технике, которую нашли на разрушенной базе под Архангельском: два «Урала» и один «КамАЗ», все дизельные, все с полупустыми баками. Топливо собирали по обочинам, сливали из брошенных машин, тракторов, автобусов. Тот же ад, что и вы с вашим керосином, наверное. Только мы не выбирали, что сливать: дизель, бензин, керосин — мешали вместе, фильтровали через тряпки и лили в баки. Машины чихали, глохли, но ехали.

Виктор представил, как тянутся эти две тысячи километров, и кивнул. Он всё ещё думал о родном городе, но спрашивать больше не стал.

— Вышли в середине октября. Добрались до конца декабря. Два с половиной месяца в пути. Это была первая ядерная зима, не такая лютая, как сейчас, но для живых уже катастрофа. К середине ноября термометр в кабине «Урала» показывал минус тридцать. К декабрю — минус сорок. Дороги завалило снегом пополам с пеплом, серая, тяжёлая масса, не снег и не грязь, а что-то третье, чему названия нет. Колея в этой каше была по колено. «КамАЗ» сел в неё на мосты на двое суток, пока откапывали.

— А города... — капитан потрогал мочку уха. — Вологду мы проехали за полчаса и не увидели ни одного целого здания. Ярославль — то же самое. Москва... От Москвы остался кратер. Настоящий, геологический кратер с оплавленными стенками, из которого поднимался чёрный дым. Мы обходили его по кольцевой, точнее, по тому, что от неё осталось. Три часа в кабине постоянно пахло гарью, хотя до центра было двадцать километров.

— По дороге потеряли троих. Один, матрос Глебов, отморозил обе ноги, гангрена. Анечка, наш фельдшер, всё видела, но сделать ничего не могла: ни антибиотиков, ни тепла, ни скальпеля. Он умер на четвёртые сутки в кузове «Урала», укрывшись брезентом. Двоих мы потеряли в Воронеже: пошли в разрушенный супермаркет за припасами и не вернулись. Обвал. Крыша не выдержала снежной нагрузки. Мы слышали грохот, но войти внутрь не решились, каркас держался на последнем стержне. Оставили их там.

Элизабет долго смотрела в свою кружку, прежде чем спросить:

— Их звали... Вы помните, как их звали?

— Каждого, — ответил капитан, не поднимая глаз. — Это всё, что мы могли им оставить.

Говорил он не торопясь, не ища сочувствия, он говорил как человек, который достаточно долго нёс это внутри и теперь мог выложить.

— В Ростове мы оказались двадцать восьмого декабря. Двадцать четыре человека из двадцати семи. Так трое «ушли по дороге».

— Ростов нас удивил. Не тем, что уцелел, — он не уцелел: половина города лежала в руинах, набережная Дона была снесена волной, портовые краны повалены. Но в Ростове было то, чего не было нигде: люди. Военные. Организация.

Оказалось, что Ростов-на-Дону стал естественным узлом, последним, где ещё работали узлы связи и куда стекались последние выжившие силы. Не потому, что по нему не били, — били, и сильно. Но уцелел военный гарнизон на северной окраине, уцелел подземный командный пункт Южного военного округа, уцелел узел стратегической связи, закопанный на тридцать метров в скалу, экранированный, с автономным дизелем и резервуаром топлива на полтора года. Дизель закончился через четырнадцать месяцев, но к тому времени мы уже нашли другой источник.

— Мы обосновались. Не как гости, а точно как ещё один отряд в общей массе выживших. Нас включили в систему: распределили по позициям, дали задачи. Я, капитан дальнего плавания, попал в штаб, потому что в штабе нужны были люди, которые знали, как ходить по морю без электроники. Мои матросы разошлись: кто в охрану, кто в ремонтные бригады, кто на поиски продовольствия. Денис, Матвей, Егор и Данил — капитан кивнул на четверых спецназовцев — примкнули к нам позже вместе со своим командиром Николаем: они впятером держались как один кулак. Их перебросили из уцелевшего подразделения в Ставрополье, когда связь с ними ещё держалась. Они служили в группе специального назначения, а потом оказались у нас. Крепкие, собранные, цену им знал каждый, кому приходилось делить с ними костёр.

— Первая зима сорокового года была тяжёлой, но выживаемой. Минус двадцать, минус двадцать пять — не сорок, как сейчас. Мы успели: раскопали склады, нашли припасы, наладили патрулирование. Ростов держался. Но каждый месяц кто-то уходил; не от холода — от отчаяния. Люди ложились спать здоровыми и не просыпались. Или уходили в руины и не возвращались. Мы перестали искать. Не хватало людей на поиски.

— К весне сорокового стало ясно, что мир не восстановится. Не через год, не через два, может быть, никогда. Связь с другими выжившими анклавами была клочками, обрывочная, по коротковолновому каналу: Новосибирск держится, где-то в Сибири — люди, в Австралии — люди, в Южной Америке — слухи. Но Центральной Европы нет. Северной Америки нет. Китая нет. Только разрозненные точки на карте, и между ними — мёртвая зона.

Элизабет отвела взгляд от карты:

— И вы решили остаться. Потому что идти дальше было некуда.

— Вторая зима, сорок первого года, была хуже. Минус тридцать пять, минус сорок. Снег серый, с пеплом, не тает. Сельское хозяйство мёртвое. Консервы кончаются. Мы считали банки, как вы считали канистры с керосином. Каждая банка — это чья-то неделя жизни. К концу зимы в Ростове осталось всего около трёх тысяч человек из тех, кто был здесь при нашем прибытии.

— Но всё это время мы работали. Штаб собирал информацию — по крупницам, по обрывкам перехватов, по рассказам пришедших. И из этих крупиц сложилась страшная картина.

Помрачнев, капитан развернул на столе карту мира. Карта перед ним лежала не как бумага, а словно приговор всему живому.

Мухандис подался вперёд, вглядываясь в прочерченные линии:

— И всю эту карту держит один узел. Один подземный город, о котором никто не знает.

— В две тысячи тридцать девятом году, когда мир уже стоял на краю, американское командование запустило проект. Три сверхсекретные атомные подводные лодки, каждая из которых была плавучим арсеналом, были оснащены экспериментальным контуром искусственного интеллекта «Хунта». Это была не страховка, а последняя воля Америки: если цивилизация падёт, пусть возмездие придёт не сразу. Пусть будет время на чудо.

— Что такое шестнадцать месяцев? — спросил Мухандис, впервые за весь разговор подняв взгляд от надписи на карте.

— Не сутки, не недели, — к разговору присоединился Николай. — Именно шестнадцать месяцев. Считалось, что за это время любая дееспособная власть, поднявшись из руин, успеет подать хотя бы один подтверждённый сигнал. Квантовый маркер, цифровой оттиск, любой след, который докажет: мы ещё здесь.

— А если не докажет? — спросила Лиза. В её голосе не было страха. Горело желание понять, насколько тонкий волосок их ещё держит.

Помедлив, словно проверяя, хочет ли она услышать ответ, командир спецназа произнёс:

— Но если шестнадцать месяцев пройдут без единого подтверждения, значит, чуда не случилось. Тогда право на решение о запуске термоядерного оружия автоматически переходит к «Хунте». Машина не ждёт приказов. Она ждёт доказательства жизни. А его нет.

Денис тоже подошёл к столу:

— Последний подтверждённый сигнал об отмене отсчёта с пункта американского командования перестал поступать в начале февраля этого года, шестого числа, в 06:02. Именно с той минуты «Хунта» начала считать: командных центров больше нет, и решение переходит к ней. Шестнадцать месяцев отсчитываются от этой даты и подходят к июню следующего года. Но «Хунта» не стреляет по таймеру. Отсутствие сигнала запустило отсчёт, а не закончило его.

— На самом деле всё сложнее, чем кажется на бумаге, — продолжил капитан. — «Хунта» не просто ждёт, что кто-то выйдет в эфир. Она сопоставляет подтверждённые передачи сигнала и экологический маркер: температуру океана, уровень углерода, пятна биомассы на тех частотах, что не гложут. Если передачи есть, но маркер мёртв, она не отменит отсчёт: сигнал без жизни для неё ничего не значит. Если передач нет, но маркер показывает признаки восстановления, она будет ждать. Протокол требует совпадения: живые люди и живая планета. Одно без другого не считается. Если до июня следующего года совпадения не будет, «Хунта» признает: перезапуск — единственное, что она ещё может сделать для Земли. Машина не хочет стрелять. Она хочет понять, есть ли что сохранять. И пустота в эфире для неё не приказ, а повод разобраться. Это не «мёртвая рука», что ответила бы тому, кто ударил. Эта система бьёт по тому, кто остался.

Ребята переглянулись. Июнь следующего года — это меньше года. Самолёт, который привёл их сюда, и судно, на котором они сидят, стремились к одному неизменному сроку.

Николай посмотрел на подростков:

— Сведения, которые мы получили в Ростове, были приблизительными: лодки постоянно в движении, и их точное местоположение меняется день ото дня. По тем данным, одна из лодок находилась у берегов Африки, вторая, предположительно, у побережья Скандинавии, третья — неподалёку от Панама. Где они сейчас, знает только «Хунта». Их реакторы способны держать ход десятилетиями, но теперь они не нужны: судьба мира решается не двигателями, а алгоритмом, который уже подвёл черту.

— Единственный шанс — секретный узел связи в Сиднее. Подземный комплекс, скрытый от всех систем и защищённый протоколами, которые старше самих лодок. Если мы доберёмся до него и пошлём подтверждённую передачу, «Хунта» получит оба потока сразу: наш сигнал и экологические данные, которые узел соберёт с Южного полушария. Температура океана, состав атмосферы, биомасса, данные, которые она сама не видит через пылевые бури и мёртвые спутники. Только тогда совпадение станет возможным: живые вышли в эфир, и планета подала признаки. «Хунта» не станет тратить залп на пустоту. Но если хотя бы одного потока не будет, молчание скажет за них.

Виктор слушал, но думал не о лодках, он думал о логике «Хунты». Машина ждёт. Ждёт доказательства, что люди ещё здесь. А люди молчат. И она делает единственный вывод, на который запрограммирована. «Машина может быть быстрее, но она не знает, как пахнет свежий хлеб и как дрожат руки, когда ты не хочешь нажимать кнопку», — сказал ему отец однажды, разбирая отчёт об очередном сбое автоматики. Виктор стиснул в кармане отцовский жетон и впервые по-настоящему понял, что тот имел в виду. Никто не оставил в системе «Хунты» простой способ сказать «стоп», потому что все думали, что кнопка у них всегда будет.

— В Таганроге, — добавил капитан, — нас ждало судно. Тот самый танкер, на борту которого вы сейчас сидите.

Ладонью он провёл по столу, словно погладил палубу невидимого корабля.

Виктор переспросил, уточняя деталь:

— Судно нашлось после того, как вы узнали про «Хунту», или раньше?

— Таганрог уцелел чудом, порт мелкий, в целях не значился. Но главное, там остался «Таганрогский судоремонтный завод». Полуразрушенный, без электричества, но с доком, с краном, с рабочими. Живыми рабочими. Когда мы получили сведения о «Хунте», стало ясно: нужен корабль, способный дойти до Индийского океана и дальше. Обычный речной танкер не подойдёт, он не держит открытую океанскую волну. Но у нас не было выбора.

— Нашли танкер проекта РСТ-27, тот же класс, что и наш первый, только новее. Стоял в доке судоремонтного завода на плановом ремонте, успели законсервировать до того, как электричество пропало окончательно. Рабочие подняли его за четыре месяца, руками, на ручных лебёдках, без крановой электроэнергии. Заменяли прокладки, восстановили один из двух главных двигателей, второй не подлежал ремонту, так что на одном мы и пошли. Скорость упала до восьми узлов, это четырнадцать–пятнадцать километров в час. Но двигатель держал.

— Топливом запаслись на год пути. Танкер — нефтеналивное судно, и в его танках ещё оставался груз, мазут, который не успели выгрузить до войны. Часть мы переработали на дизель, в Таганроге нашёлся химик, бывший работник нефтеперегонного завода, который на коленке собрал установку крекинга. Грубую, опасную, но рабочую. Топлива у нас было столько, что хватило бы обогнуть Африку, если бы оно нам понадобилось. Но мы пошли короче, через Суэцкий канал.

— Из Азовского моря мы вышли в Чёрное через Керченский пролив. Мост обрушился, два пролёта лежали в воде, но между ними остался зазор: метров сорок, если точно по центру. Мы прошли в этот зазор на минимальном ходу, борта чуть не цепляли бетонные обломки. Лоцман провёл нас и сразу повернул назад. Больше мы его не видели.

Мухандис быстро пересчитал в уме и уточнил:

— Значит, путь из Таганрога до Индийского океана занял у вас месяцы. За это время кто-то ещё мог услышать «Хунту».

— Чёрное море было пустым, свинцовым, без единого огонька на горизонте. Босфор встретил нас остовом затонувшего сухогруза посреди фарватера; обошли его, прощупывая глубину лотом. Потом было Средиземное море, теперь студёная серая гладь до самого горизонта. Суэцкий канал лежал в руинах: берега обрушились, створки ворот сорваны, в южной части глубина упала до трёх метров, и мы шли по центру русла, едва не задевая дно. Протискивались через канал четверо суток, расчищая путь попутно.

— По Красному морю вышли в Индийский океан. Шли на юго-восток, к водам, где нас и встретили вы, ребята.

Капитан замолчал и провёл ладонью по краю чашки, будто стирал пыль, которой не было видно. Затем сделал паузу, подбирая слова:

— Из Таганрога вышли снова двадцать семь. В Джакарту пришли четырнадцать. Остальные... остались там, где небо стало чёрным.

— Пять месяцев в пути, — продолжил он. — Пять месяцев борьбы с водой, руинами и радиацией. Небо было чёрным, звёзды пропали, и единственным нашим компасом оставались опыт и память. Трое умерли в Чёрном море от обострения лучевой болезни, которая сидела в них с самого начала, точно мина замедленного действия. Двое погибли, когда мы расчищали фарватер канала. Один сошёл с ума на сорок первый день пути: просто перестал говорить, перестал есть, сел на палубу и смотрел на горизонт. Мы не смогли его поднять. Трое ушли в Красном море от тифа. Анечка сделала всё, что могла, без лекарств. В Индийском океане потеряли ещё четверых: двое скончались от ран, полученных в Суэце, один от дизентерии, один... — капитан запнулся. — Один просто не проснулся.

— Но мы дошли. И теперь я хочу, чтобы вы понимали: если мы отступим, другого шанса не будет.

Ребята слушали, не шевелясь. В глазах подростков читались одновременно ужас от масштаба катастрофы и твёрдая решимость не дать этому пути оказаться напрасным.

— Та самая точка в Сиднее, о которой я говорил, — коротко напомнил капитан. — Где лодки сейчас, неизвестно. Но тишина в эфире говорит громче любых докладов: они ждут.

— Мы идём в Сидней, чтобы уничтожить этот узел связи и понять, можно ли остановить запуски термоядерных ракет, пока не поздно, — закончил капитан. — Но наш танкер довольно медленный, а времени на всё осталось меньше года.

Виктор, Мухандис и Лиза переглянулись. У них был скоростной самолёт.

— Поможем, — Виктор твёрдо кивнул. — Полетим в Сидней впереди корабля и проведём разведку.

Самолёт с тремя подростками снова поднялся в небо. Из Джакарты курс лежал на юго-восток, через Тиморское море к северному побережью Австралии. Три с небольшим часа над ледяной водой, и впереди показался берег. Дарвин. Последний населённый пункт северной Австралии, довоенная база Королевских ВВС Австралии в Дарвине. Город был мёртв: портовые кварталы залиты мутной водой, аэродромные ангары смяты, словно картонные коробки, полоса покрыта трещинами, но сама она просматривалась: длинная, прямая, военного стандарта. Виктор повёл машину ниже, Лиза прильнула к оптике.

— Полоса цела, — сообщила она. — Но садиться незачем, топлива хватит до Сиднея. Это последняя точка привязки перед материком. Дальше только по инерциальной.

Она ввела координаты аэродрома в систему, обнулив дрейф, накопленный за три часа над открытым морем. От Дарвина до Сиднея — три тысячи сто пятьдесят километров. Три с половиной часа над сушей. Без береговой линии, без единого морского ориентира. Самый сложный участок навигации за весь перелёт.

Виктор развернул машину на юго-восток и повёл «Архангел-1» вглубь австралийского континента. Под крылом поплыла бескрайняя пепельная равнина Северной территории, высохшая, вымороженная, укрытая пеплом, без единой живой души. Потом начались дюны, бескрайние параллельные гряды красного песка, которые сквозь пепельную пелену ядерной зимы сохраняли тёмно-ржавый оттенок. Пустыня Симпсон. Лиза сверила ориентиры с картой: красные дюны тянулись с запада на восток гигантской гребёнкой, и их рисунок совпадал с довоенной топографией. Ещё одна точка привязки, ещё одна коррекция инерциальной системы.

Дальше был Квинсленд. Бескрайние просторы выгоревшего буша, серые руины маленьких городов, пустые шоссе, которые Лиза опознавала по развязкам и характерным изгибам дорог. Дрейф между коррекциями не превышал семи-восьми километров, они держали курс.

На подходе к Сиднею рельеф изменился: впереди выросли заснеженные хребты Голубых гор. Лиза опознала их по характерным профилям, расчленённым глубокими ущельями. За горами, в долине Хоксбери, лежала старейшая военная база ВВС Австралии, в пятидесяти километрах к северо-западу от Сиднея. Полоса в две тысячи сто метров, асфальт, военный стандарт. Последний аэродром на их маршруте.

Впереди, скованный пронзительными холодными ветрами, лежал безмолвный Сидней. Мир замер в ожидании финальной битвы за угасающую планету.

Глава 7. Сиднейский излучатель

За крылом самолёта исчезли Голубые горы, и внизу открылась долина: Ричмонд, Уиндзор, аэродром. Ребята посадили «Архангел-1» на пустынной полосе.

Температура держалась на отметке -20 градусов, но и в утеплённых комбинезонах на морозе немели кончики пальцев. Обжигающий ледяной ветер гнал по взлётной полосе позёмку из пепла и снега, а небо висело низко, сплошь затянутое дымчатой пеленой. Ядерная зима превратила Австралию в ледяную пустыню: вместо тёплого солнца было безлюдье, из которого мороз вытягивал тепло из любого укрытия за считанные минуты.

Сидней лежал под снегом. Мёртвый, молчаливый, с вымороженными улицами, где ветер гнал позёмку из золы и инея. Виктор, Мухандис и Лиза переглянулись. Они знали: узел связи в Сиднее — последний резервный канал, способный передать сигнал активации тем самым подводным платформам, что ещё курсировали в океанах. Если он заработает, оставшиеся лодки выпустят ракеты, и тогда уже ничто не спасёт остатки человечества.

— Узел надо найти до прихода танкера, — Виктор застегнул воротник и плотнее натянул перчатки.

— Двадцать суток, — пробормотал Мухандис, глядя на небо в попытках прочесть, сколько из этих дней они смогут продержаться. — Двадцать суток холода, ожидания... и, возможно, последних дней мира.

Лиза достала планшет, на экране которого мерцала старая карта города. Все понимали, что время на исходе.

— Значит, эти двадцать суток мы не ждём, — решительно сказала она. — Мы работаем. Ищем информацию, связанную с военными объектами, секретными базами, крупными излучателями. Пускай это заброшенные офисы, там могут быть документы, схемы, хоть что-то.

Так начались их дни в зимнем Сиднее.

Первые трое суток ребята потратили на обустройство временного лагеря в одном из ангаров рядом с аэродромом. Ангар был старым, но крыша держалась, а толстые стены хоть немного защищали от ветра. Мухандис нашёл в соседнем здании остатки теплоизоляции и вместе с Виктором обшил ею стены. Лиза тем временем собирала всё, что могло пригодиться: канистры, куски металла, старые аккумуляторы. Из подручных материалов они собрали простую печку, которая грела слабо, но позволяла хотя бы не замёрзнуть во сне.

Следующие дни ушли на разведку. Они разбились на пары и методично обходили заброшенные здания, склады, бывшие военные посты. В каждом месте они искали одно и то же: упоминания о секретных узлах связи, карты, схемы подземных коммуникаций, любые документы, где могло быть слово «Порт-Джексон» или «излучатель». Время работало против них, оставалось меньше двух недель, и каждый пустой дом ощущался как потерянный день.

В один из таких обходов Виктор провалился по колено в сугроб на взорванном перекрёстке и долго выбирался, цепляясь за торчащую арматуру. Пальцы быстро теряли чувствительность, а куртка промокла от талого снега. Мухандис остался сверху и светил фонарём: спускаться вдвоём на рыхлый склон было слишком рискованно. Через минуту они оба поняли: под снегом хрустело стекло витрин магазина. Внутри, сквозь дыру в крыше, синело небо, и на прилавке, занесённом снежной пылью, лежал нетронутый конверт с бланком довоенного банка. Приложенное к нему штампованное объявление о «переводе отделения в подземный филиал», так и не доставленное, оказалось первым документом, где встречалось слово «тоннель». Но ни адреса, ни координат там не было, только намёк, который мог ничего не значить. Виктор сунул конверт в карман, чувствуя, как бумага царапает пальцы сквозь ткань: даже такая мелочь казалась теперь ценной.

Прошла неделя, прежде чем им улыбнулась настоящая удача, и то лишь потому, что Мухандис не сдался у затопленного лестничного пролёта. Он вернулся к подвалу администрации на второй день, когда остальные уже хотели бросить это место. Документы были в беспорядке, многие промокли и слиплись. Он долго перебирал папки, пока не нашёл одну — с пометкой «Подземные коммуникации». Среди бумаг нашлись старые планы подземных галерей.

— Смотрите, — Мухандис, вернувшись к ребятам, разложил на полу пожелтевшие листы, стараясь не порвать края. — Здесь целая сеть тоннелей под городом. И вот этот узел... он мог быть связан с военной базой.

Лиза склонилась над схемой, водя пальцем по линиям, пытаясь представить путь сквозь бетон и годы запустения.

— Если это правда, то нам нужно искать не на поверхности, а внизу, — тихо сказала она. — Там холод не такой сильный, да и шанс найти что-то важное выше.

Район Редферн, отмеченный на старых планах как промышленный комплекс, стал их главной целью. Но на современных картах этого места не было никогда. Ещё три дня ушло на то, чтобы найти хотя бы намёк на вход. Снег заметал следы, ветер сбивал с шага, а короткий световой день заставлял возвращаться ни с чем. Наконец, на десятые сутки ребята обнаружили заброшенный технический вход в тоннели. Люк был засыпан снегом и пеплом, петли проржавели, а крышка намертво прикипела. Они работали по очереди, чтобы не терять тепло: один расчищал, второй грел руки, потом менялись. Только совместными усилиями им удалось сдвинуть её с места.

Спустившись вниз, они оказались в тёмном, холодном коридоре. Воздух здесь был сухим и неподвижным, а температура держалась около минус десяти градусов — почти тепло по сравнению с улицей.

В последующие дни они исследовали тоннели, стараясь не уходить далеко от входа. В одном из помещений Мухандис обнаружил старый пульт управления, покрытый толстым слоем пыли. Виктор попытался включить его, но питание отсутствовало.

— Здесь что-то было, — сказал он, проводя рукой по панели. — И, возможно, ещё работает, если найти источник энергии.

Лиза нашла в соседнем помещении несколько аккумуляторов. Они были старыми, покрыты белёсым налётом и выглядели ненадёжно. После проверки Мухандис сказал, что их можно использовать хотя бы для короткого теста, но не дольше нескольких минут. Подключив питание, они смогли запустить часть системы: не весь комплекс, а всего лишь фрагмент, способный выдать базовую информацию. На экране появилась карта подземных коммуникаций и несколько меток, одна из которых пульсировала тусклым красным светом.

— Это может быть он, — сказал Виктор, не сводя глаз с экрана. — Узел «Порт-Джексон».

Но добраться до него было непросто. Путь лежал через заброшенные галереи и технические шахты, многие из которых были завалены.

Когда метель наконец стихла, Виктор отправился проверить район Хокстон-Парк, небольшой городок на окраине Сиднейских терминалов. Он шёл один: остальные нужны были для подготовки снаряжения, и каждый лишний человек сейчас был бы обузой. Там он обнаружил старый ангар. Замок был хлипким, и проникнуть внутрь не составило труда, но атмосфера внутри показалась ему слишком густой. Пыль кружилась в тусклом свете фонарей, оседая на плечах. Взгляд Виктора зацепился за потолок: там виднелся ровный круглый шов, след раздвижного купола. У стены стоял лифт, уходящий вниз, а в углублении стены обнаружилась герметичная дверь. Он коснулся двери ладонью, чувствуя холод металла сквозь перчатку. Под пальцами прощупывался сварной шов, грубый, не заводской. Значит, дверь ставили уже после

войны, в спешке. Виктор задержал дыхание и толкнул. Не открылась. Замка не было, только ручной шток задвижки, намертво закисший. Он сбил его прикладом, и шток поддался с противным скрежетом, оставив на перчатках рыжий след ржавчины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.